

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Л 2016
4578

Ж.А.Кабаета

**ФИЛОСОФСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ
АСПЕКТОВ НАУКИ**

Алматы – 2016

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Ж.А.Кабаева

**Философское осмысление
отдельных аспектов науки**

Алматы, 2016

1:001.2
УДК: 1/14 (0.35.3)
ББК 87
K12 ✓

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор А.И.Артемьев
доктор философских наук, профессор Б.Аташ

Кабаева Ж.А

K12 Философское осмысление отдельных аспектов науки/ Кабаева Ж.А

.-Алматы, 2016.- 120 с.

ISBN 978-601-298-518-4

В монографии дан философский анализ отдельных аспектов науки. Предложен принцип относительности математического содержания к средствам доказательства, рассмотрены проблемы понимания и доказательства, показана связь некоторых проблем социологии с философским обоснованием, проведен компаративистский анализ обоснования знания в естественно-математических и исторических науках и др. Вместе с тем проанализированы когнитивные подходы к некоторым узловым моментам в познании.

Для философов, преподавателей, докторантов, магистрантов, интересующихся проблемами философии науки.

УДК: 1 /14 (0.35.3)
ББК 87

ISBN 978-601-298-518-4

© Кабаева Ж.А., 2016

Содержание

Введение	- 4
Глава I	
Конкретно-научные и философские обоснования	
1.1 Принцип относительности математического содержания к средствам доказательства (методологический аспект)	- 6
1.2 Кант о математическом доказательстве	-12
1.3 Гегелевское обоснование философского знания	-29
1.4 Аспекты взаимосвязи между техническими науками и философией	- 34
1.5 Компаративистский анализ обоснования знания в естественно-математических и исторических науках	- 41
Глава II	
Когнитивный подход к некоторым узловым моментам в познании	
2.1 Неявное знание	- 57
2.2 Текст как объект исследования философии языка	-70
2.3 Взаимосвязь философского и социологического подходов при анализе социальных феноменов	- 83
2.4. Иерархия картин мира	- 90
2.5. Доказательство и понимание	- 98
Заключение	-112
Литература	-115

Введение

С конца XIX в. происходит мощное проникновение жизненных параметров во все культурные и научные сферы, поэтому в неклассической и постнеклассической науке и философии субъект – объектные отношения, сами субъект и объект претерпевают изменения. Характер познания в постнеклассической науке определяется эволюционной эпистемологией. И в то же время развитие компьютерной науки, основанной на рациональности, позволяет лучше понять процессы мышления, выявить многие аспекты эпистемологической проблематики.

Современные науки, технологии развиваются по экспоненте вверх, их достижения впечатляют. Ныне приходится говорить о гипертрофированной рациональности, которая имеет и свои негативные стороны. Современному человеку все более становится неуютно в своем обществе, полным конфликтов. Ему становится неуютно с самим собой и с другими в информационном мире.

В контексте жизненного находится все – научное, техническое, социальное, индивидуальное контенты.

Методология исследования:

Важно отметить, что методология исследования в данной работе обусловлена тем, что жизненные параметры становятся элементами научных и философских парадигм. Все это оказывает влияние на применяемые в них методы.

Для исследования сложного объекта важно применение совокупности методов, которые включают в себя философские, общенаучные, конкретно – научные методы.

В работе применены системно – структурный, холистический, когнитивный подходы; компаративистский, герменевтический и каузальный методы; принцип целостности.

Когнитивный подход является междисциплинарным, при котором применяются, психологическая и философская рефлексии, методы

компьютерной науки – все они вместе помогают рассмотреть проблему в новом ракурсе с различных точек зрения. Психологические компоненты связаны с восприятием, представлением, памятью, сохранением и передачей знания человеком; а также с сознательной и бессознательной областями.

В данной работе по каждой из рассмотренных аспектов науки была сделана попытка показать не только философские подходы к основным положениям, но и выделить их проблемные стороны.

Глава I

Конкретно-научные и философские обоснования

1.1. Принцип относительности математического содержания к средствам доказательства (методологический аспект)

В современной философии науки изучается большой спектр вопросов, связанных с философским осмыслением содержания и методологии науки. Современные исследователи выделяют несколько основных методологических принципов. К ним относятся принципы перманентности, соответствия и другие, а также принципы относительности наблюдения и измерения. Эти принципы отражают различные стороны, моменты, характеризующие переход от одной теории к другой. Действительно, принцип перманентности выражает инвариантность, принцип перенесения – перенос понятий, аксиом, теорем из одной теории в другую, принцип соответствия показывает, что доказательство непротиворечивости математической теории сводится к непротиворечивости предыдущей. Интерес к методологическим принципам появляется при различных обстоятельствах. К ним относятся критические моменты в развитии теории, возникновение новых познавательных ситуаций, когда появляется потребность в переосмыслении сущности самого процесса познания. Одна из таких ситуаций отмечена известным философом и математиком А.Н.Уайтхедом: «Под влиянием современной теории относительности наметилась тенденция к субъективистским формулировкам. Однако до этого периода формулировка законов природы в науке делались без ссылки на их зависимость от индивидуального наблюдателя» [2,203].

Тенденция к субъективистским формулировкам появляется в связи с усложнением субъект - объектного отношения, просматривающегося в изменении предмета науки и связанных с ним методов. Взаимообуславливающие изменения предмета и методов способствуют

перемещению акцентов в субъект – объектных отношениях. Тенденцию к таким усложненным отношениям можно наблюдать в квантовой механике. В ней она выражена в принципах относительности к средствам наблюдения, измерения. Эту тенденцию можно выделить и в других конкретных науках.

Выделение принципа относительности к средствам наблюдения стало возможным в связи с появлением нового объекта в физике. Дело в том, что спецификой познавательного процесса, осуществляемого в микромире, является то, что об объектах, находящихся за пределами восприятия человека, судят по показаниям приборов. Поэтому, как подчеркивает Н. Бор: «В квантовой физике описания действия измерительных приборов является ... необходимым условием для определения самого явления» [3,24]. Отсюда вытекает, что в неклассической физике сама научная теория содержит в своей структуре наблюдателя. Роль прибора и ее характеристики в классической физике и квантовой механике различны. В квантовой механике характеристики прибора органически входят в содержание теории. Поэтому акцент перемещен в сторону субъекта. Объяснение о необходимости введения субъективистских формулировок или, по-другому, считывание характеристик средств получения информации было сделано Н. Бором следующим образом: «В самом деле необходимость вводить в рассмотрение взаимодействия между измерительными приборами и объектом исследования в атомной механике представляет близкую аналогию со своеобразными трудностями психологического анализа, проистекающими от того факта, что духовное содержание неизменно меняется, если внимание сосредотачивается из какой - нибудь определенной стороны» [3,25]

Возрастание роли субъектных характеристик в познании связано с тем, что в современном естественно - научном познании действия субъекта рассматривается не как в классической физике, где субъект и объект были изолированы друг от друга. Здесь наблюдается нарушение такой изоляции. Наряду с Н.Бор и другие физики, как А. Эйнштейн, В. Гейзенбург, отмечают, что в современной физике нельзя обойтись без ссылок на условия получения

информации. Влияние этого момента в субъект - объектном отношении на получаемое знание так значительно, что можно было бы это подчеркнуть, представив отношение «субъект-объект» в виде «субъект-прибор-объект». Последнее соотношение дает возможность подчеркнуть роль прибора в новой познавательной ситуации.

По аналогии такую же познавательную ситуацию можно наблюдать и в других областях. А.А.Ляпунов относит к таким областям, где субъект и объект не изолированы друг от друга, теорию относительности, квантовую механику, естественный человеческий язык, сознание, математическую логику и др. Тогда появляется возможность постановки проблемы, заключающейся в выделении в этих областях принципа относительности к средствам получения знания. На нынешний момент выделены два принципа относительности - это принцип относительности наблюдения, на котором мы уже останавливались, и принцип относительности измерения. С принципом относительности измерения имеют дело в физической области, точнее именно в этой области он был впервые выделен. Ныне уже ставится вопрос о рассмотрении его в нефизических областях, как психология, социальные науки. Тогда данный методологический принцип расширяет границы своего применения, причина чего кроется в самой процедуре измерения, которое «всегда подчинено реальным свойствам измеряемых объектов, понятийной и теоретической системе данной научной области и потребности практики» [4, 25]. Результаты исследования, измерения показывают степень проникновения в сущность объекта. Самые первые результаты отражают поверхностный слой объекта, поэтому наблюдается изоляция субъекта от объекта. Дело постепенно изменяется, когда переходят к изучению, измерению сложных характеристик объекта. Сложные взаимосвязи, более тонкие свойства объектов не наблюдаемы субъектом без приборов. Субъект получает данные об этом только через прибор, через описание характеристик самих приборов (начало отчета, шкала и т. д.) в соотношении их с содержанием теории «Происходит взаимодействие объекта измерения и

измерителя - прибора или (и) человека» [5,302]. Тем самым между субъектом и объектом наблюдается взаимодействие нового рода. Это означает новый принципиально важный методологический подход к получению знания, характеристике самого знания, что происходит в связи с изменением статуса субъекта. Благодаря всему этому стало возможным выделение принципа относительности измерения.

Вышерассмотренные принципы относительности наблюдения и измерения применяются на эмпирическом, экспериментальном уровне. Внимательное рассмотрение этих принципов позволяет понять, подчеркнуть основные моменты их возникновения и некоторые их свойства. Такую же картину в более-менее общих чертах можно наблюдать и в чисто теоретической области. В силу этого, как высказался М.Массини, «... каждая научная дисциплина должна следовать математическому методу» [6,22], то рассмотрение математического метода в новом ракурсе может иметь общенаучную значимость. В современной математической теории можно по аналогии выделить некоторые моменты, которые подводят к выделению принципа относительности. Конечно, здесь не может идти речь о принципе относительности наблюдения, измерения, так как субъект в данной области не применяет приборы.

Усложнение субъект - объектного отношения наблюдается и в современной математической теории, которая сильно отличается от классической математики. И здесь по аналогии с принципами измерения и наблюдения можно ставить вопрос о принципе относительности к получению знания. В силу того, что средством получения знания в математике является доказательство, здесь можно говорить о принципе относительности математического содержания к средствам доказательства.

Основу для такого выделения принципа относительности следует искать в фундаментальных теоремах К.Геделя. Как известно, теоремы К.Геделя появились на свет как реакция на существование формализмов Д.Гильберта, который пытался формализовать всю математику. Любую

теорему, считал Д. Гильберт, можно представить в виде некоторой формулы, записанной с помощью математических символов. Тогда «все высказывания, которые вместе составляют математику, превращаются в формулы, так что сама математика превращается в совокупность формул. Некоторые определенные формулы, которые служат фундаментом этого формального построения математики, называются аксиомами. Доказательства есть фигура, которая должна наглядно предстать перед нами... доказуемые теоремы, т. е. формулы, получающиеся при этом способе, являются отображением мыслей, которые образуют обычную до сих пор математику» [7, 366-367].

Доказательства у Гильберта предстают как своего рода «игра в дедукцию», а истинность формализованной теории сводится к их непротиворечивости. Всю математику же он стремился представить в виде формализованных исчислений и таким образом ее обосновать. Невозможность осуществления такой программы показал К. Гедель.

В своей первой теореме о неполноте К. Гедель доказывает, что содержательную арифметику нельзя формализовать полностью. Из этой теоремы вытекает вторая теорема Геделя, суть которой заключается в том, что доказательство непротиворечивости формальной арифметической системы невозможно провести средствами, формализуемыми в этой теории. В теоремах К. Геделя неявно заключено понимание относительности содержания математической теории к средствам доказательства. Специальная теорема Левенгейма - Сколема относится к самому широкому классу аксиоматических систем. Если в теоремах К. Геделя рассматривается относительность доказательства современных математических формализованных теорий, то теорема Левенгейма - Сколема показывает относительность математического доказательства для более широкого круга теорем. В ней подчеркивается относительность математического доказательства теоремы, т. е. какая-то конкретная теорема может не иметь доказательства в одной системе аксиом, а в другой более широкой системе быть доказанной. Существующее некое положение может иметь статус

доказанного или нет, смотря в какой системе доказательства его рассматривать. Таким образом, это истинное положение может войти в содержание теории или нет. Чтобы оно стало элементом теории, придется расширять эту теорию путем изменения средств доказательства. Одни средства доказательства (одна система аксиом) заменяется другими средствами доказательства (другой системой аксиом) при переходе от одной теории к другой. При таком переходе содержание теории расширяется.

Как было замечено, в каждой теории имеется содержательная часть, не формализуемая ее средствами. Для формализации этой части расширяют средства доказательства, поэтому мы здесь имеем дело с относительностью содержания математической теории по отношению к средствам доказательства. По аналогии с принципами относительности наблюдения, измерения в данном случае в полученном знании об объекте учитываются средства получения знания: тогда по аналогии в математической области можно рассматривать отношение «субъект - средства доказательства - теория».

Взаимодействие между прибором и объектом в теории Н.Бора будет выглядеть в математической области познания как взаимодействие между содержанием конкретной математической теории к применяемым средствам доказательства в ней. Здесь внимание акцентировано на том, что характеристики доказанности или недоказанности правдоподобного суждения (теоремы) должна включать в себя характеристики средств доказательства.

Активность субъекта познания приводит к познанию объекта в определенном ракурсе. Знание об объекте в данном ракурсе становится возможным, потому что методы и средства, а также уровень знания позволяют перейти на более высокий логический уровень. Такая реконструкция позволяет глубже проникнуть в сущность предмета исследования. При такой форме субъект адекватно движется по логике развития предмета исследования.

Такое взаимодействие для субъекта стало существенным на определенном этапе развития математики. К примеру, в евклидовой геометрии такое взаимоотношение между субъектом и самой теорией являлось не существенным. Было уже отмечено, что наблюдалась изоляция между субъектом и объектом. Игнорирование или, наоборот, пристальное внимание к этой стороне взаимоотношений не повлияло бы на саму теорию евклидовой геометрии. Почему так? Более вероятно, что первые теории были более объективными, базирующимися на содержательном нечто, включающем в себя и интуитивное нечто. Далее в процессе развития математического знания в теории наблюдается тенденция в устремленности содержательного к нулю и на первый план выдвигается формальное, тем самым осуществляется переход на новый уровень абстракции, появляется усложненный объект. В формализованных исчислениях в поле зрения попадают субъект - объектные отношения.

Вывод. То, что метод исследования находится в зависимости от предмета, показывает, как изменение последнего ведет к введению новых методов, каковыми являются принципы наблюдения и измерения. К ним можно добавить новый принцип относительности математического содержания к средствам доказательства, который позволяет выявить новые методолого - философские аспекты математического познания.

1.2. Кант о математическом доказательстве

В силу того, что математическое доказательство является высшим показателем достижения или получения достоверного научного знания, поэтому в этом параграфе будет показано его философское осмысление И. Кантом.

С другой стороны, в современном научном дискурсе, особенно в контексте когнитивного подхода, создания ИИ и диалога культур Запада и Востока, вопросы, касающиеся познания, получения достоверного знания, являются актуальными. В последние годы появляется интерес к более

тщательному анализу Кантовской метафизики и его естественно -- научных идей с различных позиций, в частности и с такой позиции, как уточнение вклада Р. Декарта, Лейбница и др. в становление его философских концепций, идей. В этом параграфе сделана попытка показать новое, внесенное Кантом в осмысление математического доказательства и показ Кантом отличия его от философского доказательства.

Применение доказательства обеспечивает высокую достоверность полученным знаниям. В силу того, что математическое знание наиболее достоверное, точное, поэтому его доказательное оформление стало образцом для других наук и математический метод долгое время имел статус общенаучного метода познания. Такой подход считался, чуть ли не единственно верным для всех наук, в том числе и для философии [3, 23]. Он превалировал в науке до Канта: существовала тенденция смешения математического и философского доказательств. На основе целостного исследования природы человеческого познания Кант сумел показать, что они различны.

В этом параграфе будет стремление показать новые кантовские положения по сравнению с теми, которые были выдвинуты до него известными философами -- математиками Декартом, Лейбницем и др. С другой стороны, чтобы лучше оттенить специфические особенности математического доказательства, нужно провести его сравнение с философским обоснованием знания. Вышеизложенное относилось к обоснованию знания на Западе, на Востоке было по -- другому. Разница в осмыслении познания на Западе и Востоке является одной из основ различия их культур.

В это параграфе сделана попытка показать, что уточнение статуса математического доказательства, нового его осмысления стало возможным благодаря тому, что Кант сумел исследовать сущность чистого разума; сумел обосновать переход от опытных данных, получаемых органами чувств, к чисто априорному знанию. Он делает этот переход, отталкиваясь от идей

Д.Юма, опираясь на основной концепт Декарта «Cogito ergo sum». Еще нужно иметь ввиду «мнение, что теоретическая философия Канта (например, аналогии опыта) была во многих важных положениях, смоделирована по образцу ньютоновской науки» («...the view that Kant's theoretical philosophy (for example, the Analogies of Experience) was – in many impotent ways – modeled upon Newtonian science»). [6] По логике так и должно было быть : классическая наука и классическая философия во многих своих положениях должны быть схожи.

Статус математического доказательства до Канта

Проблема доказательства является универсальной проблемой, поэтому она занимала умы таких философов, как Л. да Винчи, Р. Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель и др. К XVII в. математика, достигнув определенного уровня развития, приобретает общеметодологическую значимость. Отметим, что «... термин «наука» до Нового времени был почти тождественен термину «философия», а ведущие разделы последней («первая философия», «метафизика») расценивались как основная, самая глубокая наука» [9,180]. Ф.Бэкон высоко ценил математические положения за их достоверность, причину которой он видел во «врожденном характере математического знания». Он считал, что в математике мы можем достичь полной безошибочной истины и всей несомненной достоверности в силу того, что в ней подобает иметь доказательство, исходя из подлинной и необходимой причины. Декарт в правиле IV провозглашает: «Для разыскания истины вещей необходим метод. Все, что позволяет показывать истинность некоторого положения, является методом доказательства» Это положение является актуальным. Доказательством осуществляется установление истины в рассматриваемой области знания.

В XVII в. в требованиях к процессу познания были сформулированы положения, обусловленные интеллектуальным духом того времени. В научной парадигме XVII в. один из критериев

научного знания выражался в том, что любое знание должно быть представлено в таком же статусе, как и математическое. Утверждалось, что «Ни одно человеческое исследование не может называться истинной наукой, если оно не прошло через математическое доказательство» [3.11]

Поэтому в Новое Время пристальное внимание уделялось математическому доказательству и с позиции того, чтобы по его подобию сконструировать знание в других областях, т.к. считалось, что «рассматриваемое в этих терминах знание, которому не хватало математической точности, было - говоря философски - не лучше, чем невежество» [10, 39]. В силу того, что математическое знание выступало как идеал, поэтому и математическое доказательство воспринималось как идеальный вид доказательства, и, как следствие, в других науках пытались применить математический тип доказательства. Такой подход, в явном виде выраженный Г.Галилеем, затем был развит Р.Декартом.

Сильная тенденция в возвеличивании методов математики и в их универсализации нашла свое отражение и в попытке аксиоматизировать этику Б.Спинозой, который в своей работе «Этика, изложенная способом, используемым в геометрии», стремился применить геометрический метод Р.Декарта при изложении ее содержания. Применение дедуктивного метода в этике не привело к результатам. Оказалось, что метод, применимый в математической области знания, не дает такого же результата в области этики. Решение этой проблемы в полном виде был дан Кантом. Получалось сильное размывание границ между философским и математическим методами познания. Тем самым была переоценена роль математического метода как общеметодологического, ошибочным было рассмотрение его как философского принципа. Применение дедуктивного метода имеет свои границы, поэтому нужен дифференцированный подход, т.к. существует различие в их применении в различных областях познания. По Канту: «For

he rejects their use in metaphysics, and also holds that every scientific discipline must follow mathematics' method».[6] «Он отвергает их использование в метафизике, а также считает, что каждая научная дисциплина должна следовать математическому методу». Как отмечает Массими М. «Kant's philosophy of natural science has been at the center of an important and ongoing literature over the past few decades. Although the area is not new to Kant's scholars, what is distinctively new in this recent trend is the attention paid to how Kant's philosophy of natural science complements his theoretical philosophy, and the way in which it draws on the sciences of his time» [6. 23] «Философия естествознания Канта была в центре важной и постоянной литературы за последние несколько десятилетий. Хотя область не является новой для последователей Канта, но очевидно новой в этой недавней тенденции является то, что внимание уделено тому, как философия Канта естествознания дополняет его теоретическую философию, и тем путем, которыми она опирается на науки своего времени» [6, 23].

Эту мысль Massimi М. можно дополнить тем, что кантовская философия естествознания связана с его философией математики. следовательно, они вместе дополняют его теоретическую философию, которая подняла на новую ступень саму философию, в том числе и теорию познания.

Такой интерес к наследию Канта в последние десятилетия вызван многими причинами. Более вероятно, что одной из главных причин является то, что в последнее время возникает много вопросов, связанных с появившимися новыми направлениями в науке и философии (проблемами когнитивного подхода, ИИ, и др.). В связи с чем вектор научных и философских интересов в наши дни заострен в сторону исследования проблем, касающихся познавательного процесса. «В «Критике чистого разума» речь идет исключительно о познании. Итак, почему существуют наши знания о мире и, главное, почему возможно новое знание? Как оно

появляется, на чем основывается, каков конкретный механизм познавательного процесса от его первого до последнего шага?» [11, 142].

В силу того, что Кантом была построена основательная архитектура процесса познания, тогда лозунг «Назад к Канту» вновь приобретает актуальность. Трансцендентальная философия Канта представляет собой высокую ступень осмысления познавательного процесса и более глубокий его охват, поэтому она предстает как неисчерпаемый источник для осмысления и понимания многих компонентов познания.

К примеру, это можно увидеть и в таких срезах, как понимание им «принципа возможности знания», «познавательной способности» субъекта, сущности знания, процесса познания, мышления, обоснования, истины и т.д. Трансцендентальная философия Канта рассматривала эти вопросы в совершенно новом ключе. Он писал: «Трансцендентальная философия есть идея науки, для которой критика чистого разума должна набросать архитектурно, т.е. основанный на принципах, полный план с ручательством за полноту и надежность всех частей этого здания. Она представляет собой систему всех принципов чистого разума» [12, 56].

Можно утверждать, что трансцендентальная философия Канта для науки построила основу ее методологии, с охватом всех принципов познавательного процесса, с пониманием идей, контента, компонентов научного познания.

Достоверность положений в математике и метафизике

В архитектонике трансцендентальной философии Канта одной из главных определяющих её частей является философия математики. И. Кант выступил против понимания математического доказательства как общенаучного метода и против смешения философского и математического доказательств. Сравнивая эти доказательства, Кант отмечал высокую достоверность математических положений по сравнению с философскими положениями. Был поставлен вопрос: как возможна математика? Эта была

совершенно новая постановка вопроса, позволившая глубже понять многие аспекты математического познания, в том числе и само доказательство. «Метафизика, как и математика, одинаково способна к достоверности, необходимой для создания убеждения в истине, с той только разницей, что математическая достоверность легче и способна к большей наглядности» [13,297]. По Канту и метафизика, и математика относятся к «знанию разума», т.е. являются чисто теоретическими науками, имеющими априорный характер. Интересный момент подчеркивает И.Кант: математическая достоверность легче в восприятии. По Канту различная степень достоверности в философской и математической областях познания определяется тем, что «метафизика есть знание разума из понятий, а математика есть знание разума из конструирования понятий» [13,299]. Это принципиально важный момент в понимании природы математического и философского знания. В самом философском понятии имплицитно содержится знание. В философском изложении идет разворачивание этого знания, мысли.

Это положение Канта можно продемонстрировать, показав, каким образом Кант анализирует доказательство теоремы об отношении суммы углов треугольника к величине прямого угла. Имея лишь понятие треугольника, говорит он, мы ничего не добудем из него нового, сколько бы над этим понятием ни размышляли. Тогда как в философии размышление над самим понятием позволяет из него вывести знание. Доказательство надо начать с конструирования понятия треугольника. Лишь мысленно созерцая треугольник, мы сможем догадаться о том, какие дополнительные линии надо провести, чтобы, руководствуясь все тем же чистым созерцанием, прийти к адекватному разрешению проблемы. Построение в уме можно сопровождать и рисунком на бумаге, но последнее лишь тогда будет выражать всеобщность, когда мы будем его мыслить не физически, а как схему понятия, т.е. как конструкцию, для которой многие определения, например, величины сторон и углов рассматриваемого

треугольника, совершенно безразличны. На этом примере показано, что математическое знание получается на основе конструирования понятий. Суть чертежа в применении к доказательству заключена в том, что «единичная нарисованная фигура эмпирична, но тем не менее служит для выражения понятия без ущерба для его всеобщности, так как в этом эмпирическом созерцании я всегда имею в виду только действие по конструированию понятия» [12,536].

Чертеж треугольника, которым пользуются при доказательстве, является эмпирическим, так как субъект воспринимает его органами чувств. Субъект, отталкиваясь от начертанного рисунка, и, получив новый импульс, попадает в область чистой апперцепции, где рассудок имеет дело только с идеальными объектами и их отношениями. Только эта область и есть область существования математического знания, поэтому последнее имеет априорный характер. Вот эта связь между эмпирическим, т.е. наглядно достоверным рисунком, и чисто мыслительной областью делает достоверность доказательства в математике более легким, чем в философии.

Применяемое в математике доказательство имеет «наглядную достоверность»: применяемое в философии доказательство такой наглядностью не обладает, поэтому философия не разворачивает свое содержание так, как это делает математика. Поэтому возможно отчасти и «философское сочинение не может выступать в такой броне, как математическое» [38,39]. Дело в том, что само философское доказательство по Гегелю: «... доказательство истины - это есть развитие доказываемого принципа,... ибо доказать означает в философии показать, как предмет через самого себя делает себя тем, что он есть....» [14, 213].

Тем самым, Гегель понимает доказательство в философии также, как и Кант. Далее остановимся на уточнении Кантом сущности математического познания, позволяющее отличать его от

философского познания. «Вопрос о возможности, действительности и необходимости этого существования или их противоположности – все это вопросы познания разумом посредством понятий, которое называется философским. Определить же а priori созерцание в пространстве (фигуру), делить время (продолжительность) или просто познать общее в синтезе одного и того же во времени и пространстве и возникающую отсюда величину созерцания вообще (число) – все это задача разума, решаемые посредством конструирования понятий и называемыми математическими» [12, 543].

То, что Кант поднимает понимание доказательства на более высокую ступень, исходит из его осмысления математического знания не только как априорного, но и как синтетического, трансцендентального.

Кантовская теория математического доказательства отражает состояние математики своего времени. Нужно иметь в виду, что Кант понимал математику как науку о числах и величинах и брал за основу анализа достаточно развитые для своего времени теории – геометрию Евклида и арифметику.

Априорные чувственные созерцания пространства и времени

Мысль Канта о синтетическом характере математических суждений поддерживал Гегель. Он утверждал, что доказательство возможно только в области синтетического знания. Рассмотрим, в чем выражается синтетичность математических положений.

Кант ищет ответы на вопросы: «Как возможна математика?», «Как возможны синтетические суждения а priori?», которые до него а) никто и не ставил, что более правдоподобно б) никто не отвечал, что достоверно.

Синтетические и аналитические суждения Кант определяет следующим образом: «Или предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии А, или же В

целиком находится вне понятия А, хотя и связано с ним. В первом случае я называю суждение аналитическим, а во втором синтетическим» [12, 47]. Анализируя математические положения, он показывает, что они имеют синтетический характер. К примеру, рассматривая $7+5 = 12$, он показывает, что 12 получается не из понятий 7, 5, $7+5$, а как новое понятие, т.е. оно не содержится в данных, поэтому это суждение синтетическое. Тем самым, математика имеет дело с априорными синтетическими суждениями.

В «Критике чистого разума» для ответа на вопрос: «Как возможны синтетические суждения аргіогі?» Кант вводит трансцендентальные понятия пространства и времени. «Трансцендентальное» по Канту, это неосвязаемо-телесное. В пространстве осуществляются геометрические положения, а во времени - арифметические. В «Критике чистого разума» Кант исследует общие принципы математического и естественнонаучного познания, но не касается вопросов познания истории, а тем более социума. На вопрос: «Как возможна математика?» Кант отвечает: «Математика возможна в качестве науки, обладающей априорными синтетическими суждениями, потому что она опирается на априорные формы чувственности или на априорные наглядные представления «созерцания» (интуиции) пространства и времени. Геометрия условием своей возможности имеет априорное чувственное созерцание пространства, арифметика - априорное чувственное созерцание времени» [13,11]. Математика возможна благодаря априорному чувственному созерцанию пространства и времени.

Отметим, что важно отличать априорные чувственные созерцания пространства и времени от чувственных созерцаний пространства и времени.

В этом плане интересно высказывание А. Лаланда в своей книге, изданной на русском языке в 1897 г. «С точки зрения философии наук, на которой мы стоим, достаточно только знать, что, по истечении некоторого

времени, отрывочные и бессвязные впечатления, испытываемые ребенком или примитивным человеком, приходят в стройный порядок: они начинают восприниматься, как находящие во времени и пространстве, в котором каждое из них имеет свое вполне определенное место, где мы можем снова найти их, всякий раз, как направим туда наш взор или наши руки» [56.3]. Априорные чувственные созерцания пространства и времени применяются в математике, а чувственные созерцания пространства и времени – в эмпирических науках. По Канту «...эмпирическое знание... называется опытом»

По Канту время является составной частью знания, которое представляет собой синтез чувственного и рассудочного, так как рассудок сам по себе не может наглядно представлять, а чувства сами по себе не могут мыслить. Он разделяет рассудок и чувствование, говоря, что представление об объекте дают нам чувства, а мышление возможно только на основе представления. «Среди всех представлений связь есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самостоятельности» [12. 127]. Построение или осуществление связей между компонентами знания есть прерогатива субъекта познания. Кант четко очерчивает границы деятельности субъекта познания, что является основой для психологического, философского, когнитивного осмысления субъект –объектных отношений.

Информации, получаемые субъектом из внешнего мира, являются своего рода материалом для осуществления мыслительной работы по выявлению взаимосвязи между ними. Тем самым Кант выделяет чувственность и рассудок. И.Кант смещает акцент в исследовании самого познавательного процесса с объекта на субъект. «Этот вопрос столь же труден, как вопрос, каким образом я вообще могу быть для себя самого объектом, а именно объектом созерцания и внутренних восприятий» [12,144].

Кантовский априоризм в математике впоследствии был подвергнут критике, в частности, его положение о пространстве и времени как об априорных формах созерцания; был подчеркнут объективный характер пространства и времени, основанный на опытном происхождении математических понятий. К примеру, с кантовским априоризмом не был согласен Н. Лобачевский, утверждавший, что «математические начала, которые думают произвести из самого разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики»[15, 204]

Условия возможности познания

Кант пишет, что «рассудок есть, вообще говоря, способность к знаниям» и «что существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [12, 60]. Познание возможно на основании того, что предметы даются нам нашими органами чувств, а мыслятся нами. Сам процесс познания осуществляется при единстве чувственности и рассудка. Кант анализирует способность рассудка мыслить на основе отношения его к объекту.

Соединением в едином самосознании множества представлений получается понятие. «... а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность а priori связывать и подводить многообразное [содержание] данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании»[12, 130]. Данный принцип по своей сути сходен с приведением к общему знаменателю при сложении и вычитании обыкновенных дробей с разными знаменателями. Это важнейший принцип в процессе познания и получения результатов, т.е. в приобретения знания.

Первичный материал субъект получает на основе чувственных данных как бы извне - это то, что относится к объекту, далее происходит «работа» рассудка с ними. Это означает, что на основе мыслительных процессов происходит соединение, связь представлений, подведение их под единство апперцепции.

Соглашаясь с Кантом о природе познания в математике, Гегель далее рассуждает о природе обоснования философского знания. Посредством доказательства осуществляется воссоздание целого по конкретным его элементам. И это целое выступает как демонстрация, показ определённой идеи. Развивая эту мысль, Гегель приходит к выводу, что «... доказательство истины - это есть развитие доказываемого принципа,... ибо доказать означает в философии показать, как предмет через самого себя делает себя тем, что он есть.... Можно было бы тотчас задать вопрос: если это так, то почему мы начинаем с неистинного, а не начинаем прямо с истинного? Ответом служит то, что истина именно как таковая должна доказать себя, а такое доказательство здесь, в рамках логики, состоит в том, что понятия показывают себя опосредованными через себя и самими собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственными» [17, 213-214]. Из рассуждений Канта и Гегеля следует, что философское и математическое обоснования знания различны.

По «правильному рассуждению» из многих философских систем должна быть только одна истинной, но на практике существуют различные философские системы. Гегель даёт интересное пояснение: «Мы должны дать понять, что это многообразие философских систем не только не наносит ущерба самой философии - возможности философии, - а что, наоборот, такое многообразие было и есть безусловно необходимо для существования самой науки философии, что это является её существенной чертой» [17,23]. Многие философские системы имеют право на существование. Гегель относит

философию к науке, но в отличие от других наук, философские системы знаний могут существовать во множественном числе и такое положение Гегель считает отличительной чертой философии. Доказательство в философии - это такое движение мысли, которое направлено на раскрытие содержания понятия, то есть на то, чтобы показать, как предмет через самого себя делает себя тем, что он есть. Именно поэтому процессы искания истины и её доказательство в философии совпадают. О.Шпенглер приходит к интересному выводу об относительности философских положений: «Таким образом, отпадают претензии высшего мышления на отыскание всеобщих и вечных истин. Истины существуют только по отношению к определённому человечеству. Согласно этому и сама эта философия представляет собой выражение западной души, в отличие от античной или индийской, причём только в её цивилизованной стадии. Таким образом, определяется её содержание как мировоззрение, её практическое значение и область её применения» [18,584].

Западноевропейская философия является выражением западной души, китайская философия - китайской души. Если так, то речь здесь может идти только о вероятных положениях, обеспеченных культурным разнообразием. Представление о совокупном большом мире, неограниченном пространстве и временем, накладывает свой отпечаток на структуру оформления знаний о конкретном фрагменте этого мира.

Некантовское или не западное познание

Такое глубокое всеохватное понимание вообще природы и сущности познания не было присуще восточному субъекту. Эти высокие вершины в познании, достигнутые «европейским человечеством (выражение Э. Гуссерля), в целом, являются тем основоположением, которое позволяет говорить об интеллектуалистическом Западе в противовес

антиинтеллектуалистическому Востоку (Судзуки Д.). "Some Western intellectuals say that Eastern peoples make no distinction between good and bad, right and wrong" [19,253].

Различие между Западом и Востоком имеет глубинную основу, которая, наряду с другими, заключается в том, как соотносятся «А» и «не А», «да» и «нет» в менталитете западного и восточного человека. На Востоке не было четкого разделения между «А» и «не А». «На Западе «да» есть «да», «нет» есть «нет»; «да» никогда не станет «нет» и наоборот. Восток заставляет «да» скользить к «нет», а «нет» к «да», между ними нет четкого различия. И это природа самой жизни. Только в логике такое различие неустранимо» [20,17].

Применение или неприменение одного из правил формальной логики в целом повлияли на характер, содержание мировоззренческих, эпистемологических установок Запада и Востока. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что одна из причин различия между этими великими культурами есть следствие их коренного различия в стиле, методе, сущности познания. На Востоке для нахождения истины не расчленили, не «пытали» природу, считая, что она доходит через символы, понятные человеку, путем трансформации. "It is in this sense that a blade of grass or any other object can be a symbol of transformation. The whole idea of symbols of information is made possible by the philosophical development of the Yogacaras, who saw that what comes to us in earthly vessels, is it were, the elements of our ordinary experience, is the fundamental mind, the ultimate value. The ultimate value comes in forms intelligible to us" [21, 67-68], отмечает О. Леамен. «Именно в этом смысле, что травинки или любой другой объект может быть символом трансформации. Вся идея символов информации стало возможным благодаря философскому развитию Йогачара, который видел, что то, что приходит к нам в земных сосудах, были элементы нашего обычного опыта; поэтому они

являются фундаментальным умом, высшей ценностью. Конечная ценность приходит в формах, понятной для нас» [21, 67-68]

Таким образом, четко ответив на вопрос о возможности самого познания, далее о возможности самой математики и, показав, что в математике применяются синтетические суждения, Кант показывает сущность математического доказательства. Понимание математики и места доказательства в нем философом И.Кантом является одним из важнейших положений в исследовании процесса познания в целом. Кант поднял уровень понимания сущности познавательного процесса на очень высокую ступень.

И. Кантом подчеркнута мысль о возможности существования систематического знания об определенном круге явлений. Справедливость такого положения предполагает наличие объективных условий для формообразования знания в интересующем нас аспекте. Систематическое знание - это определенно, конкретным образом организованное знание. Можно было бы сказать, что знания практического, опытного, экспериментального характера, стремящиеся к критической точке достаточного накопления, в себе накапливают потенциал для последующего доказательного оформления. Этот переход данных извне в субъективное «моё» Кантом показано тщательным образом, и соответствие между ними он продемонстрировал основательно.

Совокупность сведений, фактов, отражающих на достаточном уровне определенный круг явлений, позволяет субъекту провести их систематизацию, которая должна в конкретной, однозначно определенной форме показать истинное положение. Более полно отвечает такому требованию содержание, представленное в виде выводного знания из первоначальных положений по определенным правилам логики. В познании наиболее ценным выступает именно так оформленное знание. Исторически первым, таким образом было

оформлено математическое знание в «Началах» Евклида. В длительном процессе развития науки этот способ оформления знания начинает распространяться и на другие области. Ныне уже близки, как отмечают многие специалисты, к такому оформлению биология, социальные науки, психология и др.

В процессе доказательства должны получаться положения с характеристиками необходимости и всеобщности. В глазах автора «Критики чистого разума» эмпирические объекты не могут иметь таких характеристик, по его подходу «... явления дают, конечно, много случаев установить правила, соответственно которым какое-либо событие обыкновенно случается, однако они никогда не доказывают, что следствие вытекает с необходимостью ...

Строгая всеобщность также не может быть свойством эмпирических правил, которые приобретают посредством индукции только сравнительную общность, т.е. широкую применимость». Отсюда Кант делает справедливый вывод: «... опыт нельзя приводить в качестве доказательства, т.к. доказательству подлежит объективное значение этого понятия a'priori» [22,121]

Это фундаментальная установка по отношению к доказательству: оно не проводится над природными объектами, а только над идеальными.

Выводы.

Новые акценты, поставленные И.Кантом в осмыслении доказательного процесса, выражаются в следующем:

а) всеобщность и необходимость математических положений становятся возможными благодаря их априорному характеру;

б) смысловой контекст знаний a'priori - качественно важный шаг в осмыслении познавательного процесса. Здесь И. Кант проводит черту между a'posteriori и a'priori, и его a'priori - знания, полученные

на уровне врождённых мыслительных способностей человека. По И.Канту мышление предстаёт как субстанциальная вместимость;

в) значение априорного знания заключено в доказательстве, т.е. априорное знание важно для познания, т.к. позволяет познать истину, сущность объектов, которые внешне оформлены доказательно;

г) философское и математическое доказательства различны; это различие основано на том, что философское знание разворачивается из понятий, а математическое – из их конструирования;

д) превращение сведений в «моё», которое и есть аргюи и оно обладает объективным значением, т.е. независимым от субъекта. Понятие аргюи не относится к объекту, оно относится к субъекту

1.3. Гегелевское обоснование философского знания

В силу того, что философские понятия являются предельно общими, обоснование в философии не может быть представлено в виде дедуктивного вывода.

Первичный материал субъект получает на основе чувственных данных как бы извне - это то, что относится к объекту, далее рассудок «работает» с ним. На основе мыслительных процессов происходит соединение представлений и подведение их под единство апперцепций. На этот момент обращает внимание Гегель, который отмечает, что «... чистая... апперцепция должна, напротив, рассматриваться как деятельность превращения материала в «моё». Этим, во всяком случае, правильно выражена природа всякого сознания» [16,158]. Доказательство осуществляется в процессе деятельности по распределению определённого фрагмента окружающего мира, переводению объективно необходимых связей в субъектные – «в вещь для нас».

Доказанные положения являются интеллигибельными, то есть доступными пониманию. Специфика познавательного процесса определяется деятельностью по превращению одних определённости

в другие, соответствующие по форме и логике конкретной области познания: математической, физической и т.д. Доказательство - это демонстрация необходимо существующих связей. Конкретное содержание идеи и её демонстрация в общем - то независимы друг от друга. Это безразличие друг к другу существует в определённой области знания.

Г.Гегель рассматривает доказательство научного положения в разделе об идее, так как доказательство, по его мнению, есть демонстрация некоей идеи.

В доказательстве Гегель связывает начало и результат познания через опосредование, являющегося третьим звеном. Он исходит из того, что любое научное положение должно быть доказано, поскольку теоретическое доказательство является основой теоретического познания. Может существовать объективная истина, но, в силу того, что она ещё не доказана, её не считают научным положением. В отличие от математической области познания, которая имеет дело с синтетическими суждениями; «...для других наук синтетический метод оказывается с самого начала еще более неудовлетворительным, а всего неудовлетворительнее в философии» [25,745]. В силу того, что необходимость определяет реальность, доказательство в математике обладает принудительной силой. Как законы физики с необходимостью заставляют их учитывать, подчиняться им, не идти против них, так и доказательство в математике принуждает, заставляя нас принимать доказанные положения как необходимые.

Правильно проведенное математическое доказательство необходимым образом предполагает истинность доказываемого положения. Такое трудно утверждать об обосновании в философии.

Процесс искания истины в философии и её доказательство совпадают. Определённое спецификой своей предметной области, отличной от всех других конкретных научных областей, философское

обоснование знания, которое можно отнести к философскому доказательству, представляет собой разворачивание определённой идеи. В философской области познания изложение истины как бы отождествляется с открытием самой истины. Тем самым, в философии, в самом общем понимании, диалектический способ изложения означает доказательный. Поэтому разворачивание идеи диалектическим способом доказательно

Специфика философского познания определяется тем, что «философия ищет доказанных дефиниций, то есть таких, содержание которых не воспринимается извне как преднайденное, а познаётся как имеющее своё основание в свободном мышлении и, значит, в самом себе» [6, 273]. Г.Гегель делает акцент на то, что философское доказательство есть движение мысли по раскрытию содержания понятий.

Посредством доказательства осуществляется воссоздание целого по конкретным его элементам. И это целое выступает как демонстрация, показ определённой идеи. Развивая эту мысль, он приходит к выводу, что «... доказательство истины - это есть развитие доказываемого принципа,.... ибо доказать означает в философии показать, как предмет через самого себя делает себя тем, что он есть.... Можно было бы тотчас задать вопрос: если это так, то почему мы начинаем с неистинного, а не начинаем прямо с истинного? Ответом служит то, что истина именно как таковая должна доказать себя, а такое доказательство здесь, в рамках логики, состоит в том, что понятия показывают себя опосредованными через себя и самими собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственными» [36, 213]. Гегель поставил теоретическое доказательство на диалектическую основу. Так, о самом процессе познания он пишет: «Это движение вперёд определяет прежде всего таким образом, что оно начинается с простых определённости и что следующие за ним определённости

становятся всё богаче и конкретней. Ибо результат содержит своё начало, и движение этого начала обогатило его новой определённой». [36, 306] Интересный момент подчеркнут Гегелем: в философском изложении результат совпадает с началом. По истории философии известно положение о том, что слоган «тождество мышления и бытия» было применено до Гегеля. Да, действительно, было так, но Гегель верность такого положения показал доказательно и полно. Движение мысли по логике становления, развития понятия, идеи будет доказательством в философии.

Наряду с таким подходом существует и другой, не воспринимающий диалектику как четко определенный метод: «...Диалектика не состоит ни в каком родстве с логикой; - замечает К.Поппер, - Еще одна опасность, исходящая от диалектики, связана с ее туманностью. Она предельно облегчает применение диалектической интерпретации ко всякой разновидности развития и даже к тому, что не имеет никакого отношения к диалектике...»[23, 126] Такое замечание нужно принять в силу того, что диалектический метод показывает развитие в тенденции. Здесь трудно говорить об однозначном выводе, результате. Поэтому доказательный способ изложения в философии не обладает принудительной силой, присущей математическому доказательству.

В понимании истины Г.Гегель реализовал единство исторического и логического, исходя из тождества логики и теории познания. Вопрос о доказательстве правомерно рассматривать именно в последнем аспекте, что позволяет под теорией истины в более широком смысле понимать диалектическую логику.

Доказательство в философии предстает как рассмотрение развития становящегося. Следовательно, логическое изложение содержания «нечто» выступает как доказательство этого «нечто». Доказательство в философии - это такое движение мысли, которое

направлено на раскрытие содержания понятия. О.Шпенглер приходит к интересному выводу об относительности философских положений: «Таким образом, отпадают претензии высшего мышления на отыскание всеобщих и вечных истин. Истины существуют только по отношению к определённому человечеству. Согласно этому и сама эта философия представляет собой выражение западной души, в отличие от античной или индийской, причём, только в её цивилизованной стадии. Таким образом, определяется её содержание как мировоззрение, её практическое значение и область её применения» [18,92]. Западноевропейская философия является выражением западной души, китайская философия - китайской души. Это очень интересное утверждение. Тогда можно связать специфику культурного разнообразия западного и восточного мира с их философскими установками. Представление о совокупном большом мире накладывает свой отпечаток на структуру оформления знания о конкретном фрагменте этого мира. «Во всяком случае, совершенно верно и является достаточно установленным фактом, что существуют и существовали различные философские учения; но истина ведь одна, - таково непреодолимое чувство или непреодолимая вера инстинкта разума» [24,23]. По «правильному рассуждению» из многих философских систем должна быть только одна истинной, но на практике существуют различные философские системы. По данному обстоятельству у Гегеля находим интересное пояснение: «Мы должны дать понять, что это многообразие философских систем не только не наносит ущерба самой философии - возможности философии, - а что, наоборот, такое многообразие было и есть безусловно необходимо для существования самой науки философии, что это является её существенной чертой» [24,24]. Гегель относит философию к науке, но в отличие от других наук, философские системы знаний могут

существовать во множественном числе и такое положение Гегель считает отличительной чертой философии.

В философии же, помимо такого подхода, истина является относительной и в силу того, что философское познание осуществляется на основе постижения истины посредством разворачивания содержания в процессе раскрытия самого понятия. Достигается конкретная истина, являющаяся истинной, но вместе с тем и не истинной. Достижение истины имеет диалектический характер: постоянно наблюдающееся диалектическое отрицание и в то же время в единстве находящиеся противоположности.

Понимание доказательства в философии включает в себя возникновение некоторого понятия, разложение его на противоположности, развитие последних до противоречия, и, наконец, разрешение этого противоречия переходом в другое понятие. Доказательство в философии включает в себя принципы восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического.

Следовательно, адекватное отражение объективных связей при философской рефлексии осуществляется в диалектическом единстве логики и теории познания.

1.4. Аспекты взаимосвязи между техническими науками и философией

Многие специалисты из различных областей познания опытным путем приходят к осознанию, пониманию методов, способов мышления. На это уходит много времени и определенную помощь в таком деле им оказала бы философия, точнее глубокое осмысление методологической функции философии. Есть высказывание А.Эйнштейна о том, если бы он раньше

ознакомился с философскими идеями, то это помогло бы ему пораньше сделать свои открытия.

Великие исследователи, как И.Ньютон, А.Эйнштейн, Н.Бор и др., вышли за рамки своей научной сферы и приобрели статус философов. На то они и великие, что не сидели только на своей научной «грядке». Они знали, что для успешной деятельности им необходимо знать и понимать то, что происходит на всем научном «поле». Их пример стоит подражания.

Обратимся к истокам теоретического естествознания, у основания которого стоял Галилео Галилей. Известно, что Галилей призвал ученых своего времени начать изучение самих природных явлений, непосредственно проводя измерения, наблюдения, опыты, вычисления и т.д. Благодаря такому способу исследования стало возможным развитие физики, химии, биологии и т.д., то есть естественных наук. В то же время Галилей считал, что ценным будет не результат, полученный экспериментальным путем, а результат, выведенный логически - дедуктивным способом. Почему же так высоко ценил теоретически оформленный результат Галилей? Обоснованный ответ на данный вопрос дала история науки, сама же философия. С этим ответом важно ознакомиться молодым исследователям из технической и другой сфер научной деятельности. Остановившись на нем подробно и излагать его в рамках одного параграфа трудно, но на некоторые моменты можно остановиться.

Все науки идут по одному пути развития, стремясь быть теоретически оформленными, который является показателем их высокого уровня развития. Теоретическое оформление знания из конкретных научных областей зависит от уровня ее математизации. Существует и такого рода критерий: чем более математизированна наука, тем она считается и более развитой. При применении такого критерия самой развитой наукой является физика. Применение математических методов в таких областях познания, как биологическая, химическая, экономическая и т.д. расширяется. Такой процесс идет и здесь можно говорить о многих проблемах, ждущих своего

разрешения. К ним можно отнести вопросы, касающиеся характера, степени разработанности методов и содержания предметов данных наук в их соотносительности и т.д. В природе развитие идет от простого к сложному. Любая сложная форма объекта - это как некий результат развития простой формы данного объекта. Соответствующий мыслительный процесс идет от простого к сложному. Наоборот, объяснение простых форм легче, если познана ее наиболее развитая форма. Как известно, анатомия человека объясняет анатомию обезьяны.

Естественные и гуманитарные науки различаются между собой по предметам и применяемым в них методам. Знания в естественных науках более достоверны, точны, чем в гуманитарных науках. Как сделать так, чтобы знания в гуманитарных науках имели бы такой же статус, как знания в естественных науках? Такое различие стало объектом изучения постпозитивистов в 60-70-х годах XX в. В процессе разрешения данной проблемы стали возникать новые вопросы. К примеру, пришлось сравнивать методы обоснования знания в этих областях исследования и т.д. Технические науки являются искусственными, если можно так выразиться. Они определяются деятельностью человека по производству техники и технологий. Понятия «субъект», «общество», «природа» являются основными философскими понятиями. Тогда можно согласиться с тем, что объект «техника» не может быть успешно освоен, понят, далее развит при изоляции его от этих понятий. Рассмотрение объекта изолированно и в застывшем виде относится к метафизическому способу исследования. Такой способ рассмотрения необходим, но недостаточен.

Особенно в наше время, когда «...развитие техники и современных технологий (особенно информационно – коммуникационных) приобрело такой характер, когда они начинают радикально трансформировать человеческий жизненный мир и самого человека и определять социальные, культурные и экономические процессы. Техника в известном смысле становится самоценной и уже не просто обслуживает человеческие

потребности, как это было ранее, а создает сами эти потребности. Она уже не просто средство решения задач, которые ставит человек, исходя из определенных целей и ценностей, но во многих случаях сама определяет последние, т.е. не является ценностно – нейтральной» [26,10].

Здесь вырисовывается огромное поле для исследования, связанное с выявлением сущности предмета, методов технических наук, важно также осмысление специфики мышления, взаимоотношения категорий «субъект» и «объект» в технической сфере и т.д.

Особенностью технических наук является то, что они опираются на «науки о природе». С другой стороны, техника должна соответствовать требованиям такого типа как соответствие физическим, и не только, параметрам самого человека, а в большем масштабе и общества.

Логика мышления, способ мышления, методы и методология, системно – структурный, синергетический, когнитивный подходы, категориальный аппарат и т. д. – все перечисленное входит в область предмета философии. Не стоит забывать, что в целом учением о мышлении выступает философия.

Без применения таких философских категорий, как «количество», «качество», «форма» и «содержание», «сущность» и «явление» и др., говорить о получении адекватного знания в любой области исследования трудно говорить. Это относится и к техническим наукам.

Поэтому во всех вузах должны изучать философию. Не нужно перенимать чужие опыты, просто копируя их, тем более, если они далеки от правильного подхода, т.к. ориентированы только лишь на полезность, прагматичность. Такая ориентация должна быть, но ограничиваться этим нельзя. Возможно, такая ориентированность является одной из причин возникающих кризисов. Возникает кризис и начинается поиск выхода из него. В таком поиске обязательно придут к философии, именно в философском поле осмысления найдутся общие контуры правильного ответа, что часто наблюдалось в истории познания. И не только в ней. Можно привести исторический пример, когда глава молодого государства Ульянов

В.И. в 1917 – 18 г.г., представьте себе это смутное время, сидит за письменным столом и изучает работу Г.В.Ф. Гегеля «Наука логики». Он конспектирует ее, чтобы найти ответы на вопросы по государственному строительству и по другим вопросам. В поисках ответа по выходу из критических ситуаций глава государства был вынужден изучать философские труды. Этот пример приведен для актуализации такой мысли: без обращения к философским трудам, которые помогают найти корни проблем, направленность поиска решения проблем, в определенной степени разрешить сложные проблемы, нельзя. К сожалению, существует и такой подход, о котором говорит Горохов В.Г.: «А всех гуманитариев и особенно философов сегодня рассматривают как «мешающий фактор».

Немцам в этом смысле повезло. Бисмарк в свое время издал указ, что без таких кафедр технические университеты превращаются в профтехучилища с соответствующим понижением статуса и зарплаты всех профессоров. Часто забывают, что новые технологии развиваются в обществе и призваны ему служить, и именно поэтому социально – гуманитарные исследования новейших технологий становятся так важны и необходимы» [27,9].

Тогда пусть молодые умы приобщаются к философскому мышлению, включающему в себя критическое мышление; тогда выпускники бакалавриата будут более компетентными, так как они будут способны шире охватить проблему, понять ее глубже; будут иметь возможность и способность разрешать их на основе философского подхода, опираясь на историю философии, историю познания, историю критического мышления.. В первую очередь мы - люди, а уже потом кто – то инженер, кто – то педагог, кто – то врач и т.д. Вершина в мышлении, достигнутая великими мыслителями человеческого рода, должна быть усвоена студентами ВУЗов. Тем более что в советское время классическая философия и некоторые направления неклассической философии для вузов были хорошо

разработаны. Зачем терять полезный опыт? Зачем «вместе с грязной водой выплескивать и ребенка»?

«А между тем,- подчеркивает Пружинин Б.И. - я напомним, преподавание философии (философский факультет МГУ) было восстановлено в 1942 г., в эвакуации, в г. Ашхабаде. Философия понадобилась. Нам что, большая беда нужна, чтобы это понять? И спасибо, что экспертные советы РГНФ поддерживают сегодня фундаментальные исследования в гуманитарной науке и в философии, особенно» [27.7].

Ныне говорят об актуальности критического мышления. В основе критического мышления находятся разработки по классической и неклассической философии. Нравится нам это или не нравится, но только на такой основе, возможно осмысление и понимание всего важного для человека, для социума. Здесь зависимость такого же рода, как и в природе, то есть зависимость жизненно-необходимого характера: чтобы выжить, мы ориентируемся и подчиняемся законам природы. Если так не делать, то просто не выживешь. Необходимость вынуждает. Нужно понять, что такого же рода необходимым являются философское знание и философское мышление. В современном информационном обществе, характерной особенностью которого является то, что люди тонут в море информации, на передний план по актуальности выходят вопросы выбора. Уметь выбирать информацию, фильтровать ее на полезное и не полезное, истинное и ложное и т.д. Такой выбор способны делать люди, знающие и понимающие социальные, познавательные процессы, обладающие навыками критического мышления, что дает только философия.

В области технического познания проблема с демаркационной линией между истиной и ложью не стоит так остро, как в других научных сферах. В XXI в. появляются совершенно новые направления, как нанотехнологии. Идет процесс ускорения, уплотнения, уменьшения. Уже подходят к созданию нанокomпьютеров. С помощью нанотехнологии создан материал гратен, многообещающий в применении. В мозгу человека примерно 100 млрд

нейронов, которые взаимосвязаны между собой. На основе открытия в Японии переключателей на мельчайшем наноуровне ученые стремятся создать структуру искусственного нейронного мозга. Мозговая сеть содержит млрд атомных переключателей, которые работают аналогично японским искусственным переключателям: получаются мозговые компьютерные цепи. В искусственной сети можно создать искусственную память, и оно будет связано и с обучением.

Нанотехнологии задевают все сферы жизни; открывается новый, невидимый чудесный мир на основе применения нанотехнологий.

Если науки, ориентированные на практическое применение, отвечают на вопрос «как?», то философия, рассматривая те же самые объекты, отвечает на вопрос "почему?" Один и тот же объект рассматривается с разных позиций. И в таком ракурсе можно говорить о взаимосвязи между техническими и философскими учениями.

Технические науки тесно связаны с естественными науками. Для более глубокого понимания технических наук важно применять философский подход, философский категориальный аппарат.

Можно очертить и круг проблем, связанный с научно-технической моралью, с результатами технической деятельности - экологическими проблемами и т.д.

Но что четко прослеживается в технических науках, так это то, что истинность их учения можно однозначно выявить: если «машина» работает, то это значит, что соответствующее учение истинно. В силу чего в технической области познания проблем с критерием истинности не так высоки, тогда как в других сферах научной деятельности такая проблема относится к сложной. В области технического познания проблема с демаркационной линией между истиной и ложью не стоит так остро, как в других научных сферах.

Итак, в этом параграфе обозначены некоторые проблемы, касающиеся связи между естественными и техническими науками и требующие своего

дальнейшего глубокого осмысления; обращено внимание на применение философских подходов в осмыслении проблем, относящихся к технической сфере. Сделан акцент на том, что глубокому пониманию технических проблем может помочь философский подход.

1.5. Компаративистский анализ обоснования знания в исторических и естественно – математических науках

Развитие естествознания в XIX в. обусловило появление понятия теоретического доказательства, которое в общем понимании есть утверждение «... положения посредством его основания, утверждение положения другим положением и положениями» [29,130]. Само понятие теоретического доказательства возникает с развитием теоретического естествознания. Такое понимание близко стоит к понятию математического доказательства, в этом плане теоретическое доказательство можно понимать как расширение понятия математического доказательства, которое давно и прочно вошло в арсенал научных ценностей. В нем также как и для математического доказательства важными элементами являются начало, определение и доказанные положения.

Г.Гегель разделяет представление и понятие о предмете, отмечая, «что сознание создаёт себе представление о предметах раньше, чем понятие о них». Поэтому можно сказать, что представление являет собой поверхностное понятие. Далее в его пояснении: «Но когда приходят к мыслящему рассмотрению предметов, то вскоре обнаруживается, что оно содержит в себе требование показать необходимость своего содержания и доказать как самое бытие. так и определение своих предметов» [16,64]. Мыслящее рассмотрение объектов принуждает поставить вопрос о демонстрации необходимости рассматриваемых положений. Имеется ввиду, как показ необходимости существования идеального объекта при

теоретическом рассмотрении, так и в целом теоретических положений об объектах. Значимость этой идеальной конструкции должна быть такой же как значимость работающей материальной конструкции - машины. Правильная логическая связь между элементами идеальной конструкции должна обладать таким модусом необходимости, что наличествует в машине. Необходимая взаимосвязь между деталями машины выражается в том, что машина работает. Поэтому «истинность» в материальной области демонстрируется тем, что данная конструкция работает. Что явно видно всем. В идеальной же конструкции демонстрация истинности рассматриваемых положений возможна только доказательством. При верно проведенном доказательстве рассматриваемые идеальные умственно постигаемые положения будут истинными, т.е. будут обладать необходимостью такой же силы, которая, к примеру, позволяет машине работать.

Теоретическое естествознание базируется на мыслящем рассмотрении предмета, требующего доказательного подхода к выдвигаемым положениям. Мыслящее рассмотрение объекта в конечном итоге выливается в теоретически оформленное содержание, т.е. позволяет получать его логический образ. Стало быть, выпукло выступает требование демонстрации необходимости полученного содержания. Необходимость связана с логикой существования и развития предмета. Логика отражает необходимую взаимосвязь между элементами объекта. Наиболее полный логический образ возможно получить для математически структурируемых областей, к которым относятся физические, химические, биологические области знания. Получаемые здесь логические образы выступают как наиболее достоверные.

Впоследствии, от логического образа осуществляется переход к реальной сущности. Чем чётче оформлен логический образ, тем он более адекватно отражает сущность реального объекта. И это есть

процесс углубления познавательного процесса, движения от поверхностных представлений к пониманию.

В таком движении видится значимость логического образа предмета. Возникшее на основе естествознания понятие теоретического доказательства позволило ставить вопрос о расширении области его применения: о теоретическом доказательстве в области исторических наук. Общим в теоретическом естествознании и исторических науках является то, что они - теоретические науки. Общее в них то, что эти области познаваемы. Поэтому рассуждения Гегеля о представлении и понятии должны относиться и к области исторических наук. И даже более, и в исторических науках должны получаться положения с таким статусом достоверности, что и в естественных. Но на практике так не получается, ибо наличествующие в них существенные отличия влияют на характер и типы рассуждений, применяемых в этих областях.

Отличительные сущностные различия естественно-математического и гуманитарного знания отражены в характеристиках истины и доказательства, применяемых в этих областях. Так как естественно-математические области знания являются знаниями о природе, то эти знания более конкретны, точны. Прогресс в этой области явный.

Рациональная область обладает конкретными знаниями, относящимися к физической, механической, геологической и т.д. областям. В этих областях получают знания как практического, так и теоретического характера. Эти два рода знания являются двумя сторонами конкретного знания. Теоретические знания более точны, конкретны и эти знания даны не для локализованного пространства и времени. Более достоверные знания получают о ставшем бытии, о том, что имеет конкретные формы внешнего проявления. Протяженность является конкретной формой существования

застывшего. Наличие протяженности и дискретности выводит к численно. Развитые ставшие формы дают возможность субъекту в первую очередь выделить из хаоса бытийных данностей пространственные фигуры и количественные характеристики.

Потребности мышления, общества в целом, толкают к тому, что накапливающиеся знания практического характера на основе логики осмысливаются в определённо-конкретных формах, обусловленных социальными, гносеологическими, в общем уровнями духовного развития. Эта тенденция сама была обусловлена многими факторами. Стало быть, по большому счёту, субъект выделил знание о ставшем бытии. Среди этих знаний важно было выделить те, которые были верными, правильными для каждого человека без сомнения. Именно такими знания стали считаться ценными.

Доказательство - это способ включения положения, теории, концепции в существующую систему истинного знания таким образом, чтобы они имели одинаковый статус с любым другим положением, уже находящимся в данной системе. Этот статус - статус истинности. Поэтому специфика доказательства, степень его строгости, будут зависеть от того, в какой системе проведено доказательство. В предельном понимании можно брать системы в зависимости от форм движения материи. Тогда это будут естественнонаучные или гуманитарные науки. В соответствующих теориях суждения имеют различные характеристики: в естественнонаучных в большей степени имеют дело с суждениями общеутвердительными, а в гуманитарных - с частноутвердительными. Это связано с тем, что в естественнонаучных теориях путём доказательства получают положения с такими характеристиками, как необходимость и всеобщность, чего нельзя сказать о положениях в гуманитарных науках. Такое удручающее положение подтолкнуло представителей «философии жизни» задаться целью гносеологического оправдания наук о духе.

Если за рациональное принять всё то, что структурируемо, тогда к рациональной области относятся естественнонаучные теории, которые в свою очередь математизированы. Эти науки способны к схватыванию конкретных определенностей. Способность разума «схватывать» объект в определенном ракурсе позволяет адекватно отражать свойства, характеристики объекта. Также способы, методы познания, выработанные в процессе всей познавательной деятельности, позволяют получать положения с разной степенью достоверности.

Социальная и природная реальности отличаются по своей сути. Главное различие между ними заключено в том, что одна реальность дана нам изначально и существует независимо от познающего субъекта, а в другую реальность входят сами люди, их коммуникации, их деятельность и т.д. Субъект познания включен в социальную реальность, поэтому знания, полученные об этой реальности, зависят от субъекта познания. В природе существует «механическая необходимость», а история имеет дело с «царством ограниченной необходимости», по выражению О.Шпенглера. Или, по другому, историческое исследование имеет дело со свободой. Там, где необходимость ограничена, появляется свобода. Природная реальность является общим объектом изучения естественных наук. В природе, по Платону, существуют наименьшие линии и они равны между собой. Тогда существует возможность редуцировать различные фигуры к этим линиям. Они как бы являются «атомами» данной области знания и с ними можно оперировать как с однородными, застывшими, имеющими чёткую границу, сущностями. Поэтому появляется возможность дедуцировать: выводить из одних положений другие.

Точно также в каком-то фрагменте природы можно находить и другие элементарные, неизменные сущности, к которым можно было бы редуцировать все остальные объекты из этой области. Эта идея

актуальна в современной физике: «... Платон описывает каждую вещь, как состоящую из малых тел, являющихся единственными, правильными, симметричными телами, которые математически возможны в трёхмерном пространстве. Гейзенберг говорил о том, что был поражён этой идеей. Он полагает, что путь современной физики, пытающейся редуцировать всё к симметриям, близок к этой идее Платона» [30,125]. Тем самым, по Гейзенбергу, симметрия является той сущностью, к которой в физике можно будет редуцировать всё. Редукция в определённой степени является условием применения дедуктивного метода. Физика смогла выразить физические качества в количественных формах. К примеру, определённый цвет (это качество) выражен как свет определённой длиной волны и определённой интенсивности (количественные характеристики). Качественная определённость физических явлений отражена в соответствующих однозначных количественных характеристиках. А эти количественные сущности предстают как математические объекты: они однородны, чётко различны, дискретны, тождественны сами себе во времени и в пространстве. В силу чего в физической области эффективно используются математические методы.

Аналогичная ситуация может быть достигнута и в других научных областях познания природной реальности. На практике так и происходит. Одни науки о природе уже преуспели в этом, а другие в своём развитии в тенденции устремлены к этому. Ведь природа, по выражению Шпенглера, - «это то, что счислимо». Именно в этом все естественные науки имеют общее, и тем самым они имеют отношение к математике. А всё, что не математическое, по Шпенглеру, познаваемо по-другому. "История есть совокупность всего того, что не имеет отношения к математике. Математическая точность естественных законов и удивительное прозрение Г. Галилея, что природа «*scritta in lingua mathematica*» (примечание автора «природа

говорит языком математики»), и выдвинутое Кантом положение, что точное естествознание простирается как раз до тех границ, в пределах которых возможно применение математического метода» [18, 112].

Поэтому важно подчеркнуть верность мысли о разделении всех наук по методу обоснования положений на исторические (описательные, феноменологические) и естественные, в которых применяется математический метод. Точное естествознание, предметом которого является природа, противопоставляется историческому, главными объектами которого являются человек, общество. «Природу нужно трактовать научно, история требует поэтического творчества. Все остальное – ненастоящее решение вопроса, но из таковых же состоит большая часть созданий ума. Историю переживает тот, кто созерцает и то и другое как становящееся, находящееся в процессе завершения; природу познает тот, кто разлагает их как ставшее, завершенное» [18, 160]. Если в естественных науках изучаются явления, в большей степени имеющие причинную необходимость, то в исторических дисциплинах явления, на которые влияют субъективные факторы. В силу чего, в точном естествознании получаются положения более достоверные, чем в исторических науках. В связи с чем, можно сказать, что история не обладает полнотой. Существуют различные концептуальные схемы, объяснения исторических, общественных явлений, но ни одна из них не может претендовать на то, что она ближе, чем какая-либо другая теория подошла к более адекватному осмыслению сути рассматриваемых явлений определенной области. В частности О.Шпенглер, в попытках разрешения такого противоречия, проанализировав сущность западноевропейской культуры, как культуры более развитой, приходит к мысли, что нужно признание относительности истины в исторических областях познания, а отсюда следует признание права на истину различных культур.

Если подход Шпенглера к наукам был обусловлен чётким разделением их по применяемым в них методам, то представитель «философии жизни» Дильтей разделял науки по предмету - на «науки о природе» и «науки о духе». Такое разделение наук по их содержанию является более достоверным, как и разделение наук по методу. Общая схема различия, которую проводили представители направления «философии жизни» В. Дильтей, А. Бергсон между науками о природе и науками о духе обусловлено качественными различиями объектов исследования. В исследовании природных явлений новоевропейское мышление достигло высоких результатов. Рациональное мышление (Р. Декарт, Г. Галилей) с его способностью рассудочных действий, вычислений следствий из причин, которые заданы как функции, способствовало развитию естественных наук. Это была область застывших форм, возможность исследования которых кроется в использовании математических методов.

Известный неокантианец Виндельбанд В. также стоял на позиции того, что в основе классификации наук должен лежать метод. В силу того, что метод определён предметом, подход О. Шпенглера, В. Виндельбанда, с одной стороны, и подход В. Дильтея, с другой стороны, имеют право на существование.

Существующие варианты интерпретаций исторических явлений зависят от того, во-первых, что брать за главное, а что за второстепенное и т.д., а во-вторых, кто является субъектом рассмотрения. Кто этот наблюдатель? Где он находится?

В зависимости от ответа на эти вопросы можно получать и различные варианты интерпретации исторических явлений.

Поскольку естественнонаучные и исторические области познания существенно отличаются друг от друга, то и характеристики полученных знаний различны во многом. Как уже было замечено, в

области исторического знания достижение каких-то общих истинных положений проблематично.

В исторической области познания не наличествуют вечные истины, тем самым нужно подчеркнуть особо, что в исторических областях познания главной категорией будет выступать «время». Это основная категория в жизни человека, да и вообще всего живого. Категория «время» не играет роли в абстрактных науках, в науках ставших. Нужно иметь в виду, что подход к пониманию времени двоякий - с одной стороны, оно важно в осмыслении самих исторических процессов в аспектах их деятельности и хронологической последовательности, с другой стороны, происходит осмысливание исторических процессов самими историками в «настоящем», которое само является непрерывно изменяющимся «настоящим». Поэтому история прошедших эпох будет по разному выглядеть в будущем, когда оно осмысливается с позиции настоящего.

Методы, применяемые в исторических науках, должны быть обусловлены не только категориями «времени», но и другими. К одним из них можно отнести категорию «целостности». Как полагает К.Ясперс, понимание в исторической области «...мы постигаем только подчинив ее идее исторической целостности ... и тогда перед нашим взором разворачивается такая картина исторического развития, в которой к истории относится все то, что во-первых, будучи неповторимым, прочно занимает свое место в едином, единственном процессе человеческой истории и, во-вторых, является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия» [31,31]. Стало быть единично-неповторимое историческое событие приобретает значимость при применении принципа целостности в методологии истории.

Историческое характеризуется как единственный неповторимый процесс, поэтому оно не может быть получено как такое знание,

которое «может быть понято в соотношении с тождественностью единой и общезначимой истины, ибо это единство существует только для рассудка» [31, 266]. Историческая область познания по своим качественным характеристикам не похожа на те области познания, в которых знание выступает в виде общезначимых истин. Здесь же имеют дело с неповторимым событием, значимость которого зависима от самих историков, воспроизводящих это историческое, которое, в свою очередь по К.Ясперсу, представляет собой связь экзистенции и трансценденции. Французский историк П.Лакомб замечал, что относительно события, случившегося один раз, не скажешь, что оно вызывается одной и той же причиной, или имеет одно и то же следствие.

Для исследования становящегося объекта привлекается и интуиция, которая предстаёт как метод более адекватный своему предмету. Более совершенным для определённой системы знания будет тот метод, который для данной системы знания позволяет получать более достоверные положения. Поскольку объекты исторических и естественно-математических наук отличны по своей природе, то обнаруживается существенная разница в их методах.

Известным исследователем природы исторического познания был Р. Дж. Коллингвуд. Он в своей работе «Автобиография» пытался осмыслить суть исторического доказательства. Для решения данной задачи он применил компаративистский подход к анализу исторического и математического доказательств. Такой методический прием определен следующим обстоятельством: если математическое доказательство наиболее развитое, то для понимания исторического доказательства важно разобраться в сущностных характеристиках математического. При анализе математического доказательства он пришел к интересным выводам. О характере доказательств у Коллингвуда находим: «... доказательство может быть обязательным,

как в точных науках, где природа вывода такова, что никто не может утверждать предпосылок, не будучи обязанным сделать и соответствующий вывод, либо же иметь рекомендательный характер, как в «индуктивных науках», где доказательство только сможет оправдать утвердительный вывод, если его захотят сделать» [32,248]. Под точными науками имеются в виду естественные науки. В исторических науках применяется индуктивный метод, который не приводит к точным положениям в отличие от дедуктивного метода, который позволяет получать достоверные положения. В более точном приближении: «Исторический вывод как по-видимому следует из данного утверждения, никогда не обладает принудительностью, он только в лучшем случае разрешает нам считать его заключение логически допустимым, или же, как иногда довольно неопределённо говорят, он никогда не ведёт к достоверности, а только к вероятности. ... напомнит хороший рассказ о человеке, подчёркивавшем: «не доказываю, я вам говорю».[32, 250]. Стало быть, в исторических науках знание более всего предстаёт как объяснение, информация, как нарратив, а не как доказанное положение. Вывод, применяемый в исторической науке, отличается от вывода, применяемого в математической науке. Если вывод во второй науке обязателен, необходим, то в первой науке он не обладает такими характеристиками. В работе Р.Дж.Коллингвуда есть параграф «Доказательства в исторической науке», где он анализирует построения рассуждений в двух научных областях: «Схема, по которой традиционно строились точные науки, зависела от отношений логического предшествования и следования: одно предложение помещалось перед другим, если понимание первого необходимо для понимания второго. Традиционная схема расположения в истории имеет хронологический характер, в соответствии с нею одно событие помещается перед другим, если произошло раньше» [32,239].

Коллингвуд в проведенном компаративистском подходе к анализу исторических и математических доказательств помимо полученных результатов о различии характера вывода в этих двух науках делает акцент и на построении данных наук. Сущностные различия предметных областей познания выявляются в различные формулы выводов, в схемы построения знаний в этих областях: в построении рассуждений в исторической науке имеет место не логика, а хронология. О специфике работы в различных областях познания О. Шпенглером сделано оригинально замечание: «По сравнению с физиком и математиком историк работает небрежно» [18, 39]. Действительно, нужно признать, что субъективный подход в области исторического познания играет немаловажную роль. «Настоящая история имеет судьбу, но никаких законов» - категоричен О.Шпенглер [18, 182]. И не только в истории, а вообще в «науках о духе». В «науках о природе» истины более объективны, а потому и более точны. Поэтому можно сказать, что объект «ведёт» субъекта, а в «науках о духе» знания обусловлены позицией субъекта, поэтому менее объективны.

На позиции автономии исторического знания стояли представители неокантианства В.Виндельбанд, Г.Риккерт. Их понимание базировалось на том, что дедуцировать уникальное событие из закона нельзя. Виндельбанд делает акцент на том, что в методологическом плане невозможно найти общее, присущее этим двум областям знания. Поэтому применение дедукции в области исторического знания невозможно, и значит, утверждения о достоверности исторического знания проблематичны. В исторической области познания не существует условий для получения однозначных положений, кроме исторических фактов. Если исходить из того, что ценность научных положений определяется достоверностью,

однозначностью, которые более всего получаются при дедукции, тогда в таком аспекте говорить о значимости исторического знания трудно.

Но несмотря на невозможность получения достоверных положений в исторической науке, нужно признать, что «история, - как отмечает Дж.Коллингвуд, - хотя этого и не уразумели последние поколения, есть высшая наука - наука о фундаментальной реальности. Именно история, а не физика» [32, 235]. Очень интересное заявление. В природных объектах более всего возможно выделение застывших форм. Поэтому с этими объектами есть возможность оперировать как с оформленными, однородными сущностями.

Застывшими формами являются объекты математики. И с такими объектами можно оперировать так, что получаются однозначные положения. Поэтому в математической области получаются достоверные положения.

Если в какой-то определённой области познания могут быть выделены однородные сущности, то эта область знания может быть математизирована. Математизация научной области приводит к тому, что в этой области могут быть получены более достоверные положения.

Стало быть, в науках о природе существует возможность получить достоверные положения из-за специфических особенностей их объектов. В них доминируют необходимые причинно-следственные связи. Эти области познания потенциально содержат в себе условия для получения достоверных положений. Своего рода получают знания объектные, но и не только. Получаются знания объективные, точнее было бы сказать субъективно-объективные. Ведь носителем знания является субъект. Поэтому хотя знания объективны, но они определены рамками определённых возможностей субъекта. Его способностями воспринимать, понимать объект. На этой стороне познания акцентировали свое внимание многие философы, в частности

Д.Юм. Усилия познающего направлены в сторону нахождения знания об этих необходимых причинно-следственных явлениях.

Научная революция XVII в. знаменуется успехами в нахождении знаний об объектах такого рода. В последующие десятилетия до начала XIX в. познание шло на основе субъект-объектных отношений с четким разделением субъекта и объекта. Философским основанием для естественных наук становятся эмпиризм и рационализм. В этих естественных областях познание осуществляется применением математических методов. Если же объектами выступают общественные явления, или то, что отражает свойство души, духа человека, то знания о них менее достоверные, чем знания о природных объектах. Объяснение такого положения вещей заключается в специфических особенностях объектов. В первую очередь в том, что в этих объектах трудно выделить однородные, гомогенные, застывшие, повторяющиеся сущности.

По крайней мере, намного труднее, чем в природных объектах. В силу чего применение здесь дедуктивного метода доказательства затруднено. Поэтому в этих областях знания применяется индуктивный метод доказательства, которым осуществляется переход от частных явлений к общим. При индуктивном методе доказательства в отличие от дедуктивного не получают однозначно определенные положения.

Стало быть, от специфических свойств объектов природных и социальных зависят и методы доказательства, применяемые в этих областях познания.

В природных объектах имеются условия для существования доказуемых истин, которые обладают характеристиками всеобщности и необходимости, т.е. существуют «вне меня». Существуют совокупности объектов, в которых познание зависимо «от меня». В этих областях познание осуществляется субъектом, включенным в

исторический процесс. Эти объекты более характеризуются своим смыслом и значением, поэтому более адекватным выступает оценочный подход.

Рационалистическая традиция, идущая от Платона до Декарта, Лейбница, Гегеля, уже в эпоху Просвещения становится частью европейского общественного сознания. «У Аристотеля это называлось топосом, а в новой философии появилось понятие рациональности или трансцендентального субъекта» [33, 159].

Вроде бы все имеют одинаковый смысловой образ рациональности, но в ходе дискуссии оказалось, что это далеко не так. К примеру, Декарт Р. в понимание мысли вводил и волю, и память, и воображение, и чувства. «Рационализм - нечто большее, чем идейное движение, завершившееся в конце XVIII и начале XIX века. Он представляет собой необходимое явление всякой нормальной духовной жизни. Любой действительный прогресс в мире предопределён в конечном счёте рационализмом. Конечно, прежнее рационалистическое движение всегда останавливалось перед мистикой. Оно стремилось двигаться вперёд лишь до тех пор, пока имело возможность оставаться в строгих рамках логики» [34, 74].

Характеристикой рационального мышления является то, что оно существует на основе логического. Представитель постпозитивизма в англо-американской философии науки Стивен Тулмин в начале 60-х гг. сформулировал идею исторического формирования и функционирования «стандартов рациональности и понимания, лежащих в основе научных теорий». Под «матрицами» понимания Ст.Тулмин предполагает наиболее фундаментальные теоретические стандарты.

В. Виндельбанд говорит об «идеалах рационализма, теоретического и практического одновременно, исполненных принципа тождества естественного и разумного» [35, 12].

Коллингвуд в проведенном компаративистском подходе к анализу исторических и математических доказательств помимо полученных результатов о различии характера вывода в этих двух науках делает акцент и на построении данных наук. Сущностные различия предметных областей познания выливаются в различные формулы выводов, в схемы построения знаний в этих областях; в построении рассуждений в исторической науке имеет место не логика, а хронология. О специфике работы в различных областях познания О. Шпенглером сделано оригинально замечание: «По сравнению с физиком и математиком историк работает небрежно» [18, 39]. Действительно, нужно признать, что субъективный подход в области исторического познания играет немаловажную роль. «Настоящая история имеет судьбу, но никаких законов» - категоричен О.Шпенглер [18, 182]. И не только в истории, а вообще в «науках о духе». В «науках о природе» истины более объективны, а потому и более точны. Поэтому можно сказать, что объект «ведёт» субъекта, а в «науках о духе» знания обусловлены позицией субъекта, поэтому менее объективны.

На позиции автономии исторического знания стояли представители неокантианства В.Виндельбанд, Г.Риккерт. Их понимание базировалось на том, что дедуцировать уникальное событие из закона нельзя. Виндельбанд делает акцент на том, что в методологическом плане невозможно найти общее, присущее этим двум областям знания. Поэтому применение дедукций в области исторического знания невозможно, и значит, утверждения о достоверности исторического знания проблематичны. В исторической области познания не существует условий для получения однозначных положений, кроме исторических фактов. Если исходить из того, что ценность научных положений определяется достоверностью,

однозначностью, которые более всего получаются при дедукции, тогда в таком аспекте говорить о значимости исторического знания трудно.

Но несмотря на невозможность получения достоверных положений в исторической науке, нужно признать, что «история, - как отмечает Дж.Коллингвуд, - хотя этого и не уразумели последние поколения, есть высшая наука - наука о фундаментальной реальности. Именно история, а не физика» [32, 235]. Очень интересное заявление. В природных объектах более всего возможно выделение застывших форм. Поэтому с этими объектами есть возможность оперировать как с оформленными, однородными сущностями.

Застывшими формами являются объекты математики. И с такими объектами можно оперировать так, что получаются однозначные положения. Поэтому в математической области получаются достоверные положения.

Если в какой-то определённой области познания могут быть выделены однородные сущности, то эта область знания может быть математизирована. Математизация научной области приводит к тому, что в этой области могут быть получены более достоверные положения.

Стало быть, в науках о природе существует возможность получить достоверные положения из-за специфических особенностей их объектов. В них доминируют необходимые причинно-следственные связи. Эти области познания потенциально содержат в себе условия для получения достоверных положений. Своего рода получаются знания объектные, но и не только. Получаются знания объективные, точнее было бы сказать субъективно-объективные. Ведь носителем знания является субъект. Поэтому хотя знания объективны, но они определены рамками определённых возможностей субъекта. Его способностями воспринимать, понимать объект. На этой стороне познания акцентировали свое внимание многие философы, в частности

К рациональному относится всё то, что принадлежит к той сфере, где осуществлено тождество естественного и разумного, означающего, что рациональное обладает свойством логического и интеллигибельного.

Сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы: различия в двух родах объектов исследования как естественные и исторические обусловлены тем, что если в естественных науках имеют дело с необходимостью, причинно-следственной взаимосвязью, счисляемостью, повторяемостью, то в исторических науках со свободой, созерцаемостью, уникальностью. Такое различие в объектах исследования «выливается» и в различие такого рода как основы мышления (логика и хронология), как оформленность знания в этих областях в целом (доказательство и изложение), в частности (общеутвердительные и частноутвердительные суждения), как дедуктивный и индуктивный методы исследования.

Вышеуказанные виды различия приводят к тому, что в естественных науках возможно получение знаний, имеющих необходимый и всеобщий характер, а в исторических науках получение такого рода положений проблематично. Можно сказать, что в исторической области не имеется достаточных условий для получения однозначных положений.

Глава II. Когнитивный подход к некоторым узловым моментам в познании

В последние десятилетия наблюдается тенденция проникновения жизненного в сферу научного. Логическая нить рассуждений пронизывает феномены сознания, структуру языка и т.д.. Психологические параметры становятся компонентами научного исследования, научных результатов.

Психологическое и научное начинают соприкасаться друг с другом. В этой главе будут рассмотрены эти тенденции, выражающиеся во включенности в субъект – объектные отношения параметров, связанных с психологией. Во второй половине XX в перед учеными, философами выдвигается следующая задача: междисциплинарные исследования перевести на качественно другую плоскость на основе применения новой методологии, основанной на когнитивном подходе. Область междисциплинарных исследований включает в себя взаимосвязь между гуманитарными, естественными и математическими науками, т.е. комплекс наук. Такое объединение является принципиальной научной ценностью. На основе когнитивного подхода и антропологической направленности исследований стали возможными перспективные научные разработки в гуманитарных областях и в области исследований проблем искусственного интеллекта (ИИ) за последние десятилетия. Когнитивный подход означает включение в процесс научных исследований анализа самих познавательных процессов, что позволяет получать научные результаты, которые без такого подхода ранее были невозможны. Появляются такие теории, как когнитивная теория биологической эволюции, когнитивная психология и др.

2.1. Неявное знание

Колебания в науке происходят все время. Нечто сложное всегда находится в таком состоянии, что отражено в эквилибристике: чтобы не упасть, чтобы сохранять более-менее равновесное состояние приходится менять свое положение то в одну сторону, а через некоторое время и в

другую. И эта направленность движения присуща и науке. Направленность является характеристикой вектора.

«Один из главных векторов, которым можно охарактеризовать направленность развития науки и технологий в последние десятилетия, - это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит всё более основательное погружение человека в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и технологиями. И дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека – наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и самого же его.» [41,49]. Автор подметил интересную динамику в соотносительности человека и науки: наука приближается к человеку не только снаружи, о чем мы все имеем представление и понимаем значимость всего этого, но и изнутри. И это важные аспекты современной науки: саморефлексия познающего разума, когда для субъекта его объектом исследования становится сам субъект.

Имея дело с наукой, нужно не забывать и о том, что «наука всегда будет несовершенной и не только потому, что наши способности ограничены. Она будет несовершенной по определению, и для всех, кто имеет дело с наукой, неизбежна и проблема дуализма познающего разума и познаваемого им объекта» [42, 489]

Дуализм в науке существует между двумя сторонами, поэтому «наука всегда обречена периодически переходить от атомизма к непрерывности, от механицизма к динамизму и обратно и почему эти колебания никогда не прекратятся. Однако это не должно мешать нам подводить итог современному положению вещей и задавать вопрос, в какой же фазе колебания мы находимся теперь, хотя мы и уверены, что через некоторое время окажемся в противоположной фазе». [42,491]

В контексте нашего рассмотрения подчеркнем тот дуализм, который означает разделенность субъекта и объекта познания; то, что не произошло

на Востоке. Процесс познания на Востоке основывался на единстве субъекта и объекта познания, а не на их разделенности. Поэтому на Востоке ставился вопрос о трансцендентном постижении истины, а раз так, то и ставить вопрос о разделении субъекта и объекта в восточном познании не приходится. Здесь нужно уточнение: данное положение более присуще Тихоокеанскому региону Востока, или Дальнему Востоку, где доминировали такие учения, как индуизм, конфуцианство, буддизм, дзен-буддизм и т.д. Этому региону присуще свое миропонимание, свое мироощущение, своя картина мирового порядка. Мы все живем на одной планете, и все мы люди, но такие разные. Одно солнце над нами, одно небо над нами, одна земля, один космос, но видим их немного по – разному, понимаем, представляем их по – разному, делаем различные акценты. Этот мир и наше взаимоотношение с этим миром, наше место в этом мире являются непреходящими актуальными ценностями научного, философского, религиозного и личностного характера.

Многие считают, что Верховный Абсолют един для всех, но смотрят на него из разных окон. Поэтому-то и существуют различные религии, хотя все мы находимся в одной лодке.

На арабском Востоке дело имело другой характер. поэтому нужно уточнить положение об арабской науке, в основе которой лежала формальная логика Аристотеля. Еще раз следует подчеркнуть положение о том, что полностью задействованная в процессе познания формальная логика является показателем Науки как таковой. В арабском мире формальная логика высоко ценилась и применялась. Она влияла на научные, философские трактаты того времени. И это тоже оказывало свое влияние на культуру. Достижения на основе разумного постижения реальности, то, что присуще рационализму, может быть детерриторизовано и успешно применено и далее развито. В истории познания такое наблюдалось в арабском мире и на тихоокеанском регионе. В Арабском халифате этот процесс произошел в VIII – IX – X вв. Учение Аристотеля было успешно не просто перенято, но и значительной

степени переработано. Трактаты Средневековых мыслителей аль Газали, ибн Рушди, аль Фараби, ибн Сино и др. свидетельствуют об этом. Детерриторизация знания приводит к его распространению и его обогащению. Детерриторизация знания из Египта в Древнюю Грецию, из нее в арабские страны, а оттуда в Европу. Как видно, в основном детерриторизация знания происходила в западной части Евразии, и только ближе к XIX в. она произошла в восточной части Евразии.

Когнитивная наука включает в себя психологию, разделы лингвистики, логики, математики и философии, т.е. целый «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей» [43,264] (данном определении акцент сделан на антропо... Термин впервые был предложен в 1948 американским психологом Э. Толменом в работе «Когнитивные карты у крыс и человека». Сильная разветвленность и сложность самой когнитивной науки определена тем, что она включает в себя множество аспектов о знании, а именно «получение, обработка, фиксация, хранение, организация, накопление, использование, рост» знания. [44,115] Целью когнитивной науки должно стать создание интегративной картины языка, мышления и поведения человеческих существ (позиция Т.Бивер, Дж.Кэрролл, Л.Миллер. 1984). Серль подчеркивает важное свойство ментальности, а именно то, что ментальность не делится полностью на синтаксис, она включает в себя синтаксис и семантику. Действительно, если бы ментальность сводилась полностью только к синтаксису, то это означало бы, что искусственный интеллект (ИИ) и человеческое мышление почти совпали бы и задача по моделированию здравого смысла, которая была поставлена еще в 1975 г. перед разработчиками, успешно была бы решена, но этого не произошло. Проблема в большей степени находится в области семантики. Это очень трудная область для создателей программ искусственного интеллекта. Сознанию присущи интенциональность,

субъективность, в то же время на сознание влияет фоновое знание, в основе которого лежит суммарное представление человека о мире.

Аспекты неявного знания

В самой научной сфере идет переход от рационального к иррациональному, о котором было сказано выше. Переход к иррациональному означает привнесение психологических компонентов в научную сферу. Оно выразилось и во введении такого понятия, как «неявное знание». В этой параграфе показано несколько подходов, касающихся эмпирического базиса неявного знания. В термин «эмпирический» можно ввести психологические параметры, которые можно связать с термином «мое». В научный обиход новое понятие «неявное знание» ввел М.Полани.

Нахождение в контексте смысла.

Неосознанные ощущения образуют эмпирический базис неявного знания.

Значение, смысл, содержание - все эти термины становятся «моими», внутренними, более понятными при изучении нового языка. Поэтому их начинаешь внутренне осознавать.

Все, что относится к синтаксису, семантике языка лучше всего понимаешь, когда владеешь двумя и более языками. Человек на своем личностном опыте «чувствует» сущность языка. Все это, более всего, относится к психологическому аспекту познания.

Смысл связан со значением слов, частей целого и самого целого. Это важное понимание при изучении языка, и не только, оно важно и при освоении нового дела, предмета. При освоении нового языка традиционно сначала изучаем сами слова, грамматику, которые становятся объектом внимания, изучения, исследования. Важно успешно пройти именно этот трудный этап обучения. И только потом, когда начинаешь общаться, акцентируешь внимание на том, что нужно просто передать информацию - вот и все. После личностного осознания этого человек находится в контексте смысла, содержания. К примеру, трудно перейти в разговоре от одного языка

на другой, особенно тогда, когда одним не владеешь достаточно хорошо. Как только проходит этот переход, начинаешь свободнее говорить, так как происходит переход в область смысла, означающего, что здесь не так важны сами слова, а важно их значение. Этот наступивший момент можно охарактеризовать так: при передаче информации внимание не акцентируется на словах, грамматике. При коммуникации имеем дело с речевым высказыванием, имеющим значение, смысл, которые нужно передать другому человеку.

«Существуют три основных вида речевого высказывания: 1) выражение чувства, 2) обращение к другим лицам, 3) утверждение фактического характера.

... и эмоция (выражение убежденности)» [45;89] .

В разговоре, беседе, диалоге, чтении лекции, одним словом, при передаче информации мы имеем дело, в первую очередь, со значениями слов, предложений. Мы находимся в области смысла. Иногда даже не вспомнишь, на каком языке говорил. Помнишь только то, что нужно, то и сказал, то есть передал информацию. О статусе слов и информации верно сказано в одной восточной притче.

Согласно «Алмазной сутре», Будда о статусе слов высказался так - нужно ими пользоваться, как плотом: переправившись на другой берег, плот отбрасывают за ненадобностью. Так и в отношении слов. При изучении языка важными предстают смысл, значение слов. Тем самым слова сами по себе обладают статусом «строительного леса». У Полани отмечен такой факт, как «прозрачность языка». Он пишет: «Если мы упускаем из виду целое фигуры, ее части теряют смысл как части. Больше всего наполнены смыслом, конечно, слова.

В этой связи интересно подчеркнуть, что, используя слова в устной или письменной речи, мы осознаем их исключительно как вспомогательные средства.

Этот факт, обозначаемый обычно как прозрачность языка...

Я обращаю внимание только на их значение, но не на них как на объекты. Вот если я понимаю текст с трудом или если в нем встречаются неграмотные выражения, его слова обратят на себя мое внимание. Они как бы затемняют текст и не дают проникнуть в его содержание» [45:91–92]

В этом высказывании Полани отмечает разные статусы слов: можно относиться к ним как к объектам и как к носителям значения. При первоначальном изучении нового языка мы имеем дело с объектами, при постепенном овладении языком мы переходим к значениям слов, предложений, речевых высказываний. Мы уже имеем дело не с формой, а с содержанием и со смыслом.

Эти положения важны при обучении языку. Имеются две ступени – это ознакомление со знаками, правилами работы с ними, грамматикой, что в большей степени означает заучивание правил и т.д. Данный этап обучения сложный, т.к. сами слова, предложения становятся объектами. А другая ступень – это то, что связано со смысловым освоением материала. Это процесс, идущий на уровне понимания. Показателем глубокого освоения является понимание, которое, конечно, связано со знанием предмета. В большей степени работа именно на таком уровне освоения, изучения, постижения предмета позволяет овладеть глубокими знаниями. Понимание предмета включает в себя информацию о нем в более полном объеме, поэтому знание о предмете не тождественно с его пониманием. Область понимания предмета больше, чем область знания о предмете.

На практике имеют дело с разными уровнями понимания: от поверхностного до более глубокого.

Выпадение из контекста смысла.

Часто наблюдается такая картина: при свободном чтении лекции лектору мешает момент, когда он обращается непосредственно к тексту лекции. Это можно объяснить следующим образом: когда говоришь свободно, находишься в контексте общего смысла. Взглянул в текст и моментально на глазах «тупеешь»; происходит потеря нити мыслей,

отдаление от смысла. Это можно было бы охарактеризовать, как выпадение из контекста смысла.

Периферическое знание

На само знание откладывают отпечатки эмоции, связанные с ним. Теплые, неприязненные, холодные, равнодушные, радостные и т. д. – эти эмоциональные окраски, сопутствующие процессу восприятия, понимания. Такого рода знания можно отнести к периферическому.

Что – то забываешь и начинаешь искать его мысленно, по качеству восприятия. Остается с человеком понимание значимости информации как очень значимого, средне значимого, малозначительного. Важность эмоциональной окраски информации, знания заключена в том, что она человеку дает информацию о степени ценности информации. На подсознательном уровне дается установка на запоминание ценной информации, которая фиксируется в подсознании как значимая.

Знание, основанное на чувствах, эмоциях, хотя и не адекватно полному знанию о предмете, но оно тоже является знанием о предмете. Оно отдаленнее от истинных характеристик самого предмета, от знания, основанном рассудком, логикой, доказательством..

У. М.Полани высвечено то, что ранее было в тени в процессе познания. В историческом развитии самого познания, самой науки так и происходило: шли от нечто значительного к менее значимому. От более выпуклого к менее выпуклому. Поэтому, конечно же, все, что было важно для процесса познания в первую очередь – это то, что достигнуто в классической науке было переосмыслено и переработано эпистемологией в классической философии. Только после таких достижений становится возможным сделать переход к другим сторонам познавательного процесса, возможно, менее значительным, что и происходит в неклассической и постнеклассической науке.

М.Полани как бы смыкает между собой науку, в ее ракурсе – эпистемологию, с верой, сближает философские и психологические

рефлексии, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное. Этим самым еще раз подчеркивается, что и внутри науки идет «движение» от сознательного в сторону бессознательного.

М.Полани обращает внимание на другое состояние познающего: на место познающего в процессе познания. В определенной степени он стремится объективно истинное знание, со всеми его сопутствующими характеристиками, параметрами, облечь в человеческий облик, тем самым появляется возможность познающему не быть хотя бы даже в малой степени отчужденным от самого объекта.

М.Полани сумел высветить не только то, что присуще процессу познания в неявном виде; но и то, что относится к самопознанию. Тем самым, даря источники силы познающему человеку для преодоления сомнений, для понимания самого себя; в общем смысле, для самопознания. Он высветил какую - то часть из области смутного представления, предчувствия. Он сумел описать то, что относится к новым, ранее нераскрытым, личностным характеристикам познающего человека.

Полани рассматривает проблему познания в определенном, интересном ракурсе. Обладателем истины является человек познающий, поэтому знающий, которому присущи радость открытия, чувство интеллектуальной красоты, присуща страстность в процессе исследования.

Неделание, неприятие непривычного, того, чем не занимался ранее, поэтому возможно нужного, но не ставшего личностным, но появляется осознание того, что этот шаг нужно сделать. Сделанный шаг означает переход от «не – моего» к «моему». И человек приобретает новое качество в осмыслении, понимании. Какое – то общее знание стало конкретно личностным знанием.

Писатель, поэт становится лично «моим» несколькими выражениями, которые предстают для определенного человека частью «его» сути. У каждого из нас имеется это «мое» в конкретном произведении определенного автора, который поэтому – то и становится известным. К

примеру. для одного человека его «моим» в произведениях О.Сулейменова стали: «Хочу воспеть степи, не унижая горы» и др. Это выражение не стало «моим» для другого читателя. Поэтому про такие положения можно сказать, что они выступают в статусе личного знания. По аналогии каждый из нас, сделав самоанализ, может выявить содержание своего «моего», которое относится к сфере личного знания.

В познании в большей степени было исследовано и оно задействовано - это то, что относится к получению объективного знания. По отдельности глубоко исследованы объект и субъект познания в западной классической философии. Личностный аспект познающего не был достаточно освещен. Переход к такому анализу стал возможным в русле тенденции, когда субъективные факторы в процессе познания стали актуальными.

Итак, М. Полани в осмыслении процесса познания делает шаг в область неявного, периферического знания, связанного с личностным, психологическим познанием.

Фоновое знание. Вопрос: может ли ИИ (искусственный интеллект) помочь в решении проблем человеческого мышления?

Дж.Серл в своей работе отвечает на этот вопрос в целом отрицательно.[46,184] Серл для раскрытия нетождественности сознания и ИИ вводит термины «фоновое знание», «фоновые способности», которые определяют знания человека о реальном, жизненном мире. Такой подход применим и к философскому знанию, которое не представляет собой нечто исчислимое, а или конкретно полезное, приводящее к каким – то открытиям, которые могут дать непосредственно полезный эффект, приносить непосредственную выгоду, дивиденды, которые имеют вес в современном мире. На каких весах взвесить знание, понимание, чувства, желания, стремление к добру, порядочности? Все то, что наряду «со звездным небом надо мной» изумляло Канта, это, прежде всего, «моральный кодекс внутри меня». Каждый из нас настолько человек, насколько задействован в нем этот «моральный кодекс внутри него». В этом плане объяснение, понимание

сущности ИИ некоторыми авторами заслуживает одобрения, т.к. только такой подход, а не абсолютизация ИИ, важен для нас. Р.Шенк пишет: «Искусственный интеллект является частью общего стремления понять мышление. Мы считаем, что он вносит важный вклад в эти усилия и что они и есть цель нашей науки. Программы, которые мы пишем – это эксперимент, а не результат. Наш интерес – это интеллект, а не артефакт. По мере нашего прогресса полученные результаты откроют путь автоматическим партнерам, которые, возможно, станут необходимой частью повседневной жизни. Однако это не будет нашим настоящим результатом. Настоящим результатом будет новое понимание нас самих, понимание, которое в конечном счете гораздо более ценно, чем любая программа» [47,155] Людей интересует все человеческое. Новое знание получается из контекста.

Контекст и фоновое знание. Можно было бы связать «контекст» и «фоновое знание». Животрепещущие проблемы науке предоставляет ненаучная сфера. Здесь важно добавить и то, что философия является и наукой и ненаукой, поэтому философское знание можно определить, как научное и ненаучное. Более предположительно, что относящееся к ненаучной сфере в основном связано со смыслом, с пониманием. И не только, ненаучное знание относится к сфере иррационального. По большому счету можно сделать акцент на том, что научное знание относится к сфере рационального. Научное означает, что рассматриваются вопросы, связанные с рациональностью.

Иррациональное в большей степени относится к сфере ненаучного и оно принадлежит жизненному или природному миру; существует взаимосвязь между иррациональным и бессознательным.

В общей тенденции жизненное вторгается в научную сферу, по-другому это означает, что иррациональное становится объектом науки. К.Поппер и Т.Кун рассматривают эти процессы в философии науки. Идет усиление процесса взаимовлияния и взаимопроникновения естественных и гуманитарных дисциплин. Такова общая тенденция.

Нужно подчеркнуть интересный момент о том, как получается новое знание. «Получить новое - это значит получить такой результат, который не содержался в прошлом, поэтому он и новый. Но если не из прошлого знания выводится новая теория, то откуда же? Новый результат генерируется из того, что наукой не является, из контекста. При этом под *ненаукой* имеются в виду не сосуществующие с ней в одном пространстве культура, социум, религия и прочие составляющие окружающего мира, а именно контекст, который не является наукой, но её порождает. Наука анализируется на грани своего бытия» [48, 4] Новое знание порождается на границе научного и ненаучного. И такое понимание необходимо, но недостаточно.

Если только ограничиться таким подходом, то это будет неполный охват рассматриваемого вопроса.

Разве не получается новое знание путем доказательства при применении дедуктивного метода? Получаются четко доказанные положения. Это есть новое знание.

Можно привести самый элементарный известный пример – это открытие новой планеты в нашей Солнечной системе. Открытие «на кончике пера».

В качестве получения новой теории можно привести пример с неевклидовой геометрией, основы которой заложили независимо друг от друга К. Гаусс, Н.И. Лобачевский и Я. Больяи.

Как известно, в 1826 г. Н.И.Лобачевский выступил перед аудиторией с научным докладом о неевклидовой геометрии, которую он назвал воображаемой. Научная общественность, в том числе и известные математики (к примеру, Остроградский), абсолютно его не поняла, а Гаусс и Больяи, предполагая такую реакцию, не выступали с сообщениями о своем открытии перед публикой. Пройдет время и только в XX в., когда космос станет объектом науки, истинность неевклидовой геометрии подтвердится. В частности, в космическом пространстве сумма внутренних углов космического треугольника (по выражению Лобачевского) меньше 180

градусов; здесь нужно представить, что вершинами треугольника являются планеты, расстояния между которыми измеряются в единицах измерения, как световой год.

У любого исследователя, ученого, политического деятеля идет «работа» в поле своего фонового знания, определенного его пониманием. Фоновое знание и его поле – это нужно попытаться объяснить.

Фоновое знание связано с неявным знанием (Полани М.), с уровнем развития интеллектуальной интуиции; оно ближе к бессознательному и подсознательному в психике индивидуума, чем к сознательному; оно ближе к иррациональному, чем к рациональному. Поле фонового знания различно у каждого индивидуума. Совпадение полей фоновых знаний у индивидуумов почти отсутствует, но имеются совпадающие области у этих полей. В таком случае можно говорить об единомышленниках.

На поле фонового знания оказывают влияние глубина и широта профессионального знания, уровень знания по философии и истории своей конкретной науки, степень развития интеллектуальной интуиции, мировоззренческие установки, система ценностей и т.д. Это поле не дано в статике, оно находится, если можно так сказать, в состоянии флуктуации; оно представляет собой открытую и нелинейную систему, поэтому к этому объекту можно применить синергетический подход. Степень флуктуации также различна у каждого поля фонового знания.

Сама по себе философия дает импульс, направление научным исследованиям, стимулирует их, задает цели и это уже относится к фону знания. Философия задает фон знаниям, она их осмысливает.

Возможно, что «фоновое знание» ближе, чем другие слоганы, как «мировоззренческие установки», и т.д., к отражению характеристик, параметров субъекта познания (или можно сказать по – другому, познающего, исследующего, думающего, ищущего, наблюдающего лица) в настоящее время. Новые вызовы времени связаны с меняющимися парадигмами науки, технологий, систем ценностей и их местом в этом

быстро изменяющимся глобальном мире. В свою очередь они все вместе влияют на изменение общественного, национального и индивидуального сознания. Фоновое знание – это знание плюралистического характера, относящееся к постмодернистской области и связанное с психологическим восприятием, окутывающее знания в какие-то колоры. Междисциплинарные связи, новые постструктуралистические, постмодернистские направления, аксиологический подход - все они в совокупности влияют на фоновое знание.

Тем самым, неявное знание перемещается с периферии в центр исследований.

2.2. Текст как объект исследования философии языка.

Логическая нить рассуждений пронизывает все словесно – содержательно - структурное образование, каковым предстает текст. При рассмотрении такого объекта исследования как текст, являющегося носителем смысла, имеющего свое содержание, перед исследователями возникает множество задач различного характера. Текст – это объект, вовлеченный в процесс познания, по отношению к которому субъектом выступают, и философы, и лингвисты, и филологи, перед которыми стоят задачи различного характера.

Перед философами стоят задачи, связанные со смыслом, значением текста на основе философской рефлексии, предполагающей применение категориального аппарата при исследовании текста, рассмотрение текста в контексте общих универсалий, даже в контексте научной картины мира; применение различных методологических подходов, установок типа феноменологических, герменевтических; исследование текста в постструктурализме и т.д.

Совершим малый экскурс в историю науки и философии, чтобы контурно увидеть пути логического движения Мысли к такому объекту, как текст.

Мы живем в упорядоченном мире (космос означает порядок), в нем существует логическая взаимосвязь вещей и явлений. В общем смысле все происходит соответствующе «здравому смыслу» и наши рассуждения двигаются по логике вещей.

Даже в современном техническом мире, как отмечает Бодрийяр: «Будучи собраны и смонтированы вместе, детали технического предмета обладают связной логикой» [49, 87] Одно предшествует другому и эта логическая цепь рассуждений идет дальше и дальше вглубь: A1 – A2 – A3 – A4 – ... Каждый из этих конструкций выходит из предыдущего. Получается система вещей, отображенная в системе языка. Говоря о системе вещей – того, что относится к реальному миру, той системе, в которой просто живут люди, мы знаем об его объективном существовании. Наши знания составляют систему субъективных образов, соответствующих объективному положению вещей. И этот порядок в «нашей голове» в общем целом соответствует порядку окружающего мира. По большому счету по Гегелю – это означает тождество мышления и бытия. Линия рассуждений об этом тождестве пронизывает всю историю культуры, науки и философии. В общем, эта линия шла по пути: Высшее Первоначальное – Природа – Обустройство своего мира вещей Человеком. Параллельно шло осмысление его. В интеллектуальном аспекте: метафизическое представление (Великая Философия) - освоение и познание Природы человеком для своего Блага (Естественные Науки) - и, как своего рода результат, Техника и параллельно шло осмысление Общества и Человека (Общественные и гуманитарные науки). В этом осмыслении происходит детализация и актуализация различных аспектов, сторон этого величайшего Процесса Познания и Деятельности.

Как все в живом мире устремлено к светиле (цветы, деревья, и т. д.), так и в процессе познания в процессе поиска ответа на вопрос «почему» существует устремленность к первоначалам бытия, природы. Древнегреческие натурфилософы, как известно, первоначально связывали то с

водой, то с воздухом, то с четырьмя природными стихиями. Стремление было, исходя из этих первоначал, объяснить все сущее, найти причинно – следственные связи. Репрезентация таких действий отразилась в логической цепи осмысления, выводе одних положений из других. Выводы получались на основе единства апперцепции, по здравому смыслу, на интуитивном, интеллектуальном и интеллигибельном уровнях и т. д. Полученные знания подвергались классификации, типологизации, систематизации. В процессе познания какой – то определенный фрагмент в субъект – объектном отношении становился актуализированным на конкретном определенном промежутке времени и в контексте определенной парадигмы. Философская рефлексия на познание, философское осмысление основ знания, понимания помогали глубокому их осмыслению.

Самые современные направления, в которых наряду с другими проблемами рассматриваются и вопросы познавательного характера, это - неопозитивизм, герменевтика, феноменология, учения в составе постпозитивизма, структурализм, постструктурализм, постмодернизм.

Природной системе вещей соответствует своя система знания. По аналогии построенная система знания также исходит из первоначала. Первая теория Науки – это «Начала» Евклида (III в. до н. э.). И как она построена? Из аксиом логическим путем разворачивается геометрическое содержание, изложение которого идет доказательным путем. Таким образом, правильная логическая связь между компонентами, что присуще самому природному и идущая из первоначал, отражается оформленным содержанием на теоретическом уровне, изложенным аксиоматическим методом. До Евклида великий Аристотель определил, что вся структура «научного знания» определяется сведением всего к началам и воспроизведением всего из начал. Сам процесс производства знаний из начал – это доказательство. «Доказательством же я называю силлогизм, который дает знания» - такое определение было дано Аристотелем. Теория доказательного знания изложена в «Органоне» Аристотеля. Он выделял три стороны математики как

доказывающей науки: « то, относительно чего доказывается, то, что доказывается и то, на основании чего доказывается». Тем самым он выделял объект, предмет и средства доказательства.

Векторы исследования, отражающие актуализацию той или иной стороны процесса познания, менялись в истории науки и философии. Объективное знание связана с истиной, которая является центральным понятием в теории познания.

Позитивизм (примерно середина XIX в.) в лице Конта, Спенсера, Милля поставил акцент на том, что в получении знания о мире участвуют только конкретные науки. Они заявили, что каждая конкретная наука сама по себе философия. Такое отношение к философии просуществовало почти век. Такой подход привел к созданию философии науки..

Возникают новые логики. Классическая формальная логика Аристотеля, являющаяся доминирующей в науке, дополняется новыми логиками, как вероятностная, интуитивная и др. В 20 – 30 - х гг. XX в. появляется неопозитивизм, или логический позитивизм, представителями которого являлись Шлик, Р.Карнап (1891 – 1970), и др.: одной из важных задач у неопозитивистов был логический анализ языка науки с целью устранения из нее псевдоутверждений. Как известно, логический позитивизм является третьим этапом в эволюции позитивизма. Л.Витгенштейн (1889 - 1951) верил в неограниченные возможности новой логики, включающей в себя логический синтаксис. В 1921 г. был опубликован знаменитый «Логико – философский трактат» Л.Витгенштейна и Б.Рассела, в котором, в частности, они следующим образом различают термины «значение» и «смысл»: «значение» присущ именам, а «смысл» - предложениям. В дополнение можно привести рассуждения Делеза Ж. по данному поводу: «...смысл всегда следует из комбинации элементов, которые сами по себе не являются означающими». [50,141] В лице Б.Рассела (1872 – 1970), основоположника нового направления в лингвистике, автора известнейшей работы: «Введение в математическую логику», видна связь между

математикой и филологией. Вроде бы эти далекие друг от друга области науки, но они связаны между собой. Связь между ними отражена и в том, что математики стояли у истоков научного направления в исследовании языка. Заметим, что Б. Рассел написал замечательную книгу «История западной философии», он является обладателем Нобелевской премии по литературе. В начале XXI века возникает вопрос о «киберязыке», если его можно так определить. В этом языке существует связь между математикой и филологией.

Представление в общем виде смысловой связи между различными областями познания делает возможным яснее осознавать логические выходы идей из конкретной области познания, которые, в свою очередь, влияют на вектор направленности исследований в самой этой области. В решении проблем «киберязыка» должны будут задействованы специалисты из различных областей познания. Известно, что в первые десятилетия создания кибернетики программисты в своих лабораториях изучали философские работы Р. Декарта.

Философия языка включает в себя синтаксис, семантику, логику языка. Проблема о языке науки была поставлена в Венском кружке, организованном на кафедре, куда входили и математик (Гедель), и философы, и социологи. Интересно то, как шла эволюция мысли у Мура, который пришел в университет с целью заняться анализом языка в классической литературе, а стал приверженцем идей этого кружка. Нужно заметить, что «logical positivism grew from the discussions of a group called «the First Vienna Circle» («Венский кружок»). Девизом Венского кружка являлось «Логика и опыт». В названии круга исследуемых проблем была следующая динамика: в начале название было неопозитивизм, потом логический позитивизм, далее аналитическая философия.

Эти ученые и философы объединились для того, чтобы создать унифицированный язык науки. Их идеи находились в плоскости логики. При анализе было выявлено, что доказательства даже «Начал» Евклида обладали

неполной строгостью. Достоверное знание должно излагаться точно без референции к интуиции, к интуитивным моментам. Значит, основным требованием к точности языка, точности предложений, утверждений была их чистая логика изложения.

Этому предшествовало то, что в первой трети XIX в. великие математики немец К. Гаусс, венгры (отец и сын) Больяи и русский Лобачевский, заменив пятый постулат о параллельных прямых почти на противоположное утверждение, что абсолютно противоречило, подчеркнем, здравому смыслу, создали доказательно оформленную новую неевклидовую геометрию. Из них только Лобачевский имел мужество публично изложить основы новой геометрии. Остальные не стали этого делать, так как опасались того, что их никто не поймет. Их опасения подтвердились: никто из слушателей не понял Лобачевского, тогдашнего ректора Казанского университета. Данная теория получила свое подтверждение только в следующем - XX веке при исследовании космоса. Действительно, как, в частности, оказалось, что сумма внутренних углов треугольника меньше 180 градусов (такое утверждение было в неевклидовой геометрии), если вершинами треугольника являются планеты. Тем самым теория подтвердилась и на практике. Неевклидова геометрия истинна. Ныне с этим никто не спорит, так как она подтверждена практикой. Заострим еще раз внимание на том, что для нас важно, интересно. Значит, если чисто логическим путем из нескольких определенных положений (аксиом, постулатов), игнорируя очевидность, вывести на основе применения правил формальной логики следствия, то получится система знаний, являющаяся верной. Верное содержание, которое оформлено аксиоматически – дедуктивным способом. Под логическим понимается то, что дедуктивным методом из нескольких, принятых за аксиомы, положений выведены следствия. Эта полученная теория должна была бы стать действительно непротиворечивой, полной. Так должно было бы быть. Это был бы самый совершенный язык науки.

Но... великий математик К. Гедель доказывает теорему о том, что невозможно чисто формальным путем изложить содержание некоторой теории. Его теорема относится к области метаматематики. Все равно остается содержательный остаток, который невозможно формализовать принятыми средствами. Для того, чтобы формализовать и этот остаток, нужно изменить первоначальную группу аксиом, построить новую теорию, но в ней все равно останется другой малый остаток, неформализуемый уже последними принятыми средствами. И это является процессом.

Итак, наблюдается своего рода противоречие между содержанием и формой, что означает, что подвижное содержание невозможно полностью «окольцевать» неподвижной формой.

Если бы границы формы и содержания точно смыкались, то была бы обыкновенная стагнация знания. Такого не происходит.

Р. Карнап (1891 – 1970) стоял на позиции того, что «логика науки есть анализ чисто синтаксических связей между предложениями, понятиями и теориями, и отрицал возможность научного обсуждения вопросов, касающихся природы реальных объектов и их отношения к предложениям языка науки» [8, 252] Карнап строит индуктивную логику как вероятностную логику. В общем, позиция неопозитивистов выражалась в следующем: в область исследования логики науки должны были входить лишь вопросы, касающиеся синтаксиса языка.

Они выделяли следующие виды предложений: не имеющие предметного содержания - это логико – математические (их истины аналитические, логические), осмысленные предложения конкретных наук (истины фактические), а другие предложения – бессмысленны, включая философские.

Такой подход доминировал в 1920 – 30 гг. Они делали акцент только на синтаксисе языка. В дальнейшем, представители логического позитивизма, пытаясь создать «унифицированный язык науки», «the idea that all knowledge should be codifiable in a single standard language of science» (*see*

знания могут быть кодифицированы в единственном стандартном языке науки) пришли к следующему выводу, что помимо синтаксиса в их учении достойное место должна занимать семантика. Они от «синтаксических связей между предложениями, понятиями» переходят к поиску ответа на вопросы типа, что означает то или иное высказывание, суждение и как следует их понимать. Здесь на передний план выходят такие понятия как «значение», «смысл», «интерпретация». Исследование таких понятий возможно в контексте анализа конструкта самого знания с позиции соответствия их реальному, фактическому положению дел. Тем самым даже в такую область, как исследование языка, врывается жизненное, природное.

В начале XX в. в западноевропейской философии наблюдалась тенденция сведения самой философии к теории познания. Не просто сведение, а в большей степени даже замена самой философии теорией познания.

Такая тенденция была в советской философии в 1950 – 60 –х гг. (известная школа Ильенкова Э.). В тот же самый период в западной философии, как отмечает Лекторский В.А., актуализировался другой подход. «С точки зрения философии лингвистического анализа, ставшей популярной в англо – американской философии в 50-70-е гг., философия имеет дело с анализом обыденного языка и свойственных ему разного рода «языковых игр». Слова «знать» и «познать» имеют в обычном языке несколько разных смыслов, и никакой единой теории познания на основании их анализа построить нельзя»[58, 5] Приходит осознание того, что сведение теории познания только к анализу языка, сведение философии к теории познания, а значит, сведение основной части философии к философии языка неверно. Философская ситуация меняется. Идет явное приближение философии к филологии в другом ракурсе, что является «лингвистическим поворотом» для современной философии, так и обратное движение. Ныне же, как отмечает философ В.А.Лекторский далее: «Философия языка, которая совсем недавно считалась основополагающей частью философии и

фактически подминала теорию познания. сегодня многими исследователями изучается как раз с эпистемологической и когнитологической точки зрения» [51.6] Такой взгляд на философию языка с позиции философии. С позиции же филолога: «Воссоединение философии и филологии – двух некогда единых дисциплин, занятых смыслом и словом как его носителем, должно иметь своим принципом «открытую структуру» - понятие, совмещающее научную строгость («структуру») и подвижность, неустойчивость творческой мысли («открытость»)). [52, 310] Общим в этих подходах является движение в сторону смысла, структуры, творчества и совмещенне всего этого с научной строгостью. Эволюция в понимании связи «слово – значение – смысл» шла от единства этих компонентов к их разделению (анализ), а потом к их синтезу. Меняется подход к ним. Речь стала идти о структуре. Как отмечает Ж.Делёз, как когда – то ставили вопрос: «Что такое экзистенциализм?», теперь ставят вопрос: «Что такое структурализм?»

В свое время вопрос об экзистенциализме был актуальным. О высокой степени значимости экзистенциализма в общественной жизни четко высказался известный поэт А.Вознесенский. Когда спросили: «Что было самым значимым в XX в.?»), он ответил: «Экзистенциализм».

Отвечая на вопрос, что такое структурализм, Делёз пишет: «Первый же критерий структурализма – это открытие и признание третьего порядка, третьего царства: царства символического. Именно отказ от смешения символического с воображаемым и реальным является первым измерением структурализма». [53, 135] Акцент сделан на символы, которые становятся объектом исследования.. Поэтому возникает возможность в более широком масштабе говорить о мире символика. Далее, Делез поясняет: «Жан Лакан открывает третьего, более фундаментального отца – символического, то есть Имя – отца.

Всегда имеется третье, которое необходимо искать в самом символическом; структура - это, по крайней мере, триада, она не

«циркулировала» бы без этого третьего, одновременно ирреального, но, однако, и не воображаемого» [53, 136 – 137].

Не реальное и не воображаемое - это и есть символическое.

Символическое не является воображаемым, в то же время оно и не существует в реальном мире. Здесь тонкие нюансы.

«Структура определяется природой некоторых атомарных элементов, которым предначертано формирование целостностей и вариацию их частей» [53, 138]. Атомарные («атом» в переводе - неделимый) элементы, а это есть знаки, буквы алфавитов, цифры (римского или арабского исчисления), знаки действий, отношения между ними, и алгоритмы действий над ними. Из вариаций этих элементов, к примеру, создаются искусственные языки, теории, тексты. Такое понимание написанного с позиции формального подхода.

Примерно такую схему представляет и то, что относится к формальному подходу в анализе языковых конструкций. При дальнейшем пояснении структурализма Делёз подчеркивает: «Исток структурализма следует, скорее, искать в дифференциальном исчислении, а именно в той интерпретации, которую ему дали Вейерштрасс и Рассел – статический и порядковой интерпретации, которая окончательно освобождает исчисление от всякой ссылки на бесконечно малое и интегрирует его в чистую логику отношений» [53, 144]

Дифференциальное и интегральное исчисление, которое независимо друг от друга создали И.Ньютон и Лейбниц в XVII в., но новую интерпретацию ему дали Вейерштрасс и Рассел. От ссылки на бесконечно малое происходит переход «в чистую логику отношений». Происходит референция от воображаемого к символическому, являющегося ирреальным. Логика отношений в своей полноте исследована только в математике. Когда в научных или философских работах имеют дело с отношениями, то, конечно же, важно опираться на логику отношений, рассматриваемой в математике.

выбирая только то, что важно для конкретного исследования – это есть отношения между понятиями, частью и целым, элементами структуры.

В 1950-60-х гг. структурализм становится наиболее распространенным во Франции благодаря работам К.Левин-Стросса. В частности, он в своей работе «Первобытное мышление» выявляет аналогию между обменом в существующей системной группе и обменом слов в системе языка. Аналогия проведена между существующей общественной системой в реальности и системой языка, что есть соотношение природного и искусственного.

Осмысление текста, постижение смысла в общем не просто, а скорее сложно. Можно сказать, что такое действие находится в плоскости представления человека как «медленного существа», как верно было замечено одним философом. Можно знать нечто, но иногда уходят годы на то, чтобы понять это нечто. Человек предстает «медленным существом» в процессе понимания, достижения смысла.

Смысл может раскрываться различно. К примеру, фрагментарно: коротко, ясно, хлестко, живо и глубоко. Так изложены некоторые мудрые мысли в виде афоризмов, что более всего было присуще восточным философским учениям, то есть то, что наблюдается в работах Конфуция, Лао цзы. Можно добавить к ним и такие имена, как Омар Хайям, Ларошфуко, Ницше. Такого рода работы востребованы людьми разных поколений в разные времена. Почему же так? К примеру, у О. Хайяма (ок. 1048 – после 1122 г.: поэт, математик и философ) философский смысл облачен в красивую поэтическую форму – здесь глубокое содержание, выданное в оптимальной форме. Можно сказать, что мысль О.Хайяма «пронизывает» расстояние между двумя экстремальными точками – точками рождения и смерти, а такой накал мысли между двумя экстремальными точками бытия интересует, задевает каждого человека. Этот накал мысли, можно было бы сказать по - другому, энергия мысли выражена и оформлена в оптимально красивой поэтической форме. Гармония смысла, содержания и формы, задевающая ум, душу человека, прекрасна. По количеству тиражей книга О.

Хайяма в Объединенном Королевстве Англии в XIX в. занимала первое место. Почему говорим об этом? Для того, чтобы подчеркнуть, что по большому счету написанное задевает человека, если оно не просто правильно оформлено синтаксически, - это важно, но еще не менее важно, если оно имеет глубокое содержание, смысл, что интересно и нужно гипотетическому читателю. Тем более не нужно забывать о том, что существует и такой феномен: «...сущностное «непонимание» филолога перед лицом изучаемого текста». [52, 313] Это важнейший момент. С этим феноменом, в частности, встречаемся при переводе текстов с одного языка на другой. Переводчик зачастую знает языки, но не понимает содержание переводимого текста. Идеально было бы, если бы переводчиком являлся специалист, но такое сочетание, как совершенное знание хорошим специалистом двух языков очень проблематично и таких специалистов мало.

Об этом хорошо знают специалисты, владеющие двумя языками в совершенстве (к примеру, казахским и русским). При чтении текстов, переведенных филологами, до конца не понимающими содержание переводимого текста, часто находят ошибки.

В филологии отношение между субъектом и объектом трансформировалось в отношении текста и читателя. Гипотетическому читателю важно вникнуть в смысл содержания написанного и тем самым расширять и углублять свои знания и свое понимание. И не только это. еще ему необходимо перерабатывать текст в контексте своего видения предмета исследования и по степени своего индивидуального коэффициента талантливости, способности понимать смысл текста, углублять личностное познание. Подразумевается, по умолчанию, что гипотетический читатель способен получать объективное знание всеобщего характера.

Ныне существует взгляд на текст как на объект, представляющий собой основу для дискурса, диалога субъектов, находящихся в разных временно – пространственных измерениях. Существуют различные дискурсы.

Так, к примеру, ведет диалог, это даже больше чем диалог, Делез с Фуко, он же с Юмом. Текст есть объект исследования; текст становится местом встреч мыслей, смыслов, которые из этого текста переливаются, сплетаются с элементами, частями, компонентами из других парадигм, являются спорными и т.д. И при этом нужно иметь в виду, что текст является носителем знания; носителем содержания, смысла. Если текст – объект, то обязательно должен быть и критический подход к нему.

Заметим, что основы научной критики текста были заложены в середине XV в. (см.: Лоренцо Валл «О подложности Константинова дара»). Текст – это языковая конструкция, построенная с помощью разнообразных символов, являющихся носителями значений, смысла.

Один и тот же текст, переведенный на несколько языков, многообразен по своей форме, различен по своей структуре, по синтаксису. В общем, все эти тексты должны быть едины по своему содержанию, смыслу и они должны быть адекватно поняты читателями – носителями различных языков. Один и тот же текст, переведенный с одного языка на несколько других языков, должен быть самоидентичным; по семантике эти тексты должны представлять собой нечто тождественное. Один и тот же текст, переведенный на различные языки, должен быть адекватно понят читателями. Далее феноменология, герменевтика внесли много интересного для работы мысли в таком направлении. Здесь нужно подчеркнуть, что под феноменом Гуссерлем понималось не каждое явление, а именно явление, связанное с сущностью, или, по – другому, феномен – это явленная сущность. Герменевтика – это учение о понимании, поэтому герменевтический и феноменологический подходы важны при исследовании текста.

Получается, что в разговоре, беседе, диалоге, чтении лекции, одним словом, при передаче информации мы имеем дело, в первую очередь, не со словами, с предложениями, хотя с ними тоже имеем дело как со

вспомогательными средствами, а со значениями этих слов, предложений. Мы находимся в области смысла.

«Говорить - это значит изобретать знаки, наблюдать за их пригодностью, истолковывать их различные отношения. Хотя каждая из этих трех способностей есть и у животных, они не могут их комбинировать» [45, 121], утверждает Полани.

Можно писать о предмете на разных уровнях его понимания, осмысления. Это слова, предложения. Поверхностный уровень понимания, далее более глубокий и т.д. И получаются тексты разного уровня понимания об одном и том же предмете.

2.3. Взаимосвязь философского и социологического подходов при анализе социальных феноменов

Философский подход помогает критически оценивать социальные процессы и оказывает помощь в разрешении общественных проблем..

Социологические исследования базируются на философской основе. Рационалистический подход при проведении социологических исследований позволяет ученым четче выявлять различные тенденции в социальных процессах; иметь более конкретную, близкую к объективной, картину о протекающих различных явлениях в своем социуме. Социологическое характеризуется как наукометрическое, как исчисляемое. Результаты социологических методов исследования дают количественную и качественную характеристику степени значимости проводимых реформ для определенных категорий людей, для социальных групп, коллективов, для регионов, социума в целом. В силу чего они позволяют более дифференцированно подойти к анализу социальных ситуаций, к предупреждению возможных негативных последствий и тем самым помогают соответствующим органам в принятии адекватных решений, в выработке рекомендаций.

Результаты социологических исследований позволяют выявлять причины, условия появления в социуме негативного или исчезновения позитивного феноменов. Данные социологических исследований позволяют не только обществу, но и индивиду лучше понимать самих себя; каждому члену общества находить свое место в социуме как личности; глубже понимать процессы, происходящие в обществе, в котором он живет. Все это в совокупности играет большую роль в сохранении стабильного состояния общества, что и обеспечивает безопасность ее членов. Устремленность к сохранению стабильности в стабильном обществе, устремленность в достижении стабильности в нестабильном обществе (немного тавтологично, но верно) существует всегда. К примеру, если в нашем казахстанском сообществе на данный момент времени важно сохранить стабильность, то для другого не стабильного сообщества важно достичь её. Такую устремленность можно было бы назвать «вектором социальной напряженности», направленность которого есть важный ориентир для деятельности представителей исполнительной и законодательной ветвей власти. Такой вектор имеет не только направленность, но и величину, которую можно брать в диапазоне от 0 до 1, как вероятность. Понятно, что 0 и 1 соответствуют минимуму и максимуму.

Общество не есть нечто статичное, оно всегда находится в состоянии колебания, движения, завихрения, по ней «пробегают» волны. Общество более схоже с морем, на котором то штиль, то буря.

На первых порах чаще всего возникающие социальные проблемы, конфликтные ситуации разрешают на поверхностном уровне, что на время позволяет успокоить общество, сгладить проблему, нивелировать ситуацию на некоторое время. Если действительно глубокая проблема, т.е. она имеет корни, то впоследствии она вновь может всплыть, но уже в углубленном виде. Проблему легче предотвратить, чем потом разрешать ее. Для предотвращения проблемы нужно иметь глубокую основу для понимания сути социальных явлений, логики развития общества, что обеспечивают

философское знание, философская рефлексия. Многие социологи видят выход из кризисного состояния теоретической социологии в «анализе теоретических оснований социологии, философских по своей природе».

К примеру, Санжаревский И.И. отмечает, что «на Западе, как известно, уже в течение многих десятилетий нет четко выраженного деления общественных наук на философские, политологические, социологические, психологические и т. п.» [54, 23]

Такое состояние дел трудно считать верным. К сожалению, некоторые желали бы и это скопировать для нашей системы образования. Нам не нужно копировать западное только в силу того, что оно западное. Важен критический подход. В нашей республике была и есть хорошая традиция по преподаванию философии в бакалавриате, у нас в РК имеется философская школа, известная за пределами республики, поэтому важно не потерять этот накопленный позитив. Его нужно сохранить и совершенствовать. Если молодые люди в бакалавриате будут получать глубокое философское знание, то оно позволит им иметь хорошую базу для понимания социальных и других явлений. Ознакомление молодых людей с мыслями учителей человечества, с учениями великих философов, кроме огромной пользы, никакого вреда не принесет.

Взаимозависимость между философией и социологией проявляется и в том, что результаты социологических исследований могут подтвердить или опровергнуть, или показать с определенной долей вероятности истинность или ложность философских положений, учений об обществе.

Специфическая особенность социологии заключается в следующем: если конкретные науки, в общем, исследуют наличествующее, т.е. исследуют то, что есть, то социология больший акцент делает на то, что должно быть, на то, что ожидается в будущем. Это все относится к философской категории «должно». Реализация возможностей пошаговым путем позволяет придти к тому, что должно быть в обществе, что люди ожидают, на что надеются. Это есть движение по пути реализации возможностей общества.

Социологические данные при их умелом применении позволят лучше планировать Пятилетки (см. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана от 17 января 2014 г.), макроэкономику государства, экономику предприятий и т.д., тем самым помогут в реализации «Стратегии 2050». Перед нашей страной стоит цель: к 2050 г. войти в число 30 топ стран мира. Это дела настоящего и будущего времени.

Независимому Казахстану всего-то четверть века. Почти все постсоветские республики в одно и то же время обрели независимость, но на данный момент времени они находятся на разных ступенях развития. Все познается в сравнении В рейтинге по категории «Процветание стран» (ноябрь 2012 г.) наша страна заняла первое место среди стран СНГ, 46 место - среди всех стран мира, в 2015 г. – первое место среди стран СНГ – по инвестициям. Наша страна по многим показателям развития экономической и социальной сфер опережает соседние страны. Среди стран Таможенного союза она впереди по результатам деятельности банковской и финансовой систем. По средней зарплате на конец 2013 г. РК занимала второе место в СНГ после Российской Федерации. Казахстан в 2016 г. занял 50-ую строчку среди развитых стран мира.

Основа успешности развития нашей страны была заключена в правильном руководстве, в адекватном разрешении проблем такого большого объекта, как государство. Правильной политике руководства РК помогла глубокая продуманность стратегии и тактики развития всех отраслей производства: социальной, политической сфер в совокупности. Прогрессивно – поступательный ход развития нашей страны основывается на правильно выбранной системе ценностей, в которой была следующая иерархия - это вначале безопасность страны, далее экономика, только потом политика и другие сферы. Вначале определить точно границы нашего государства, закрыть Семипалатинский полигон, поднять экономику, что и было сделано руководством Казахстана. Первые годы независимости явились очень трудными. Нам же было просто спасать страну. Поэтому в тот период говорить

о полномасштабных социологических исследованиях не приходилось. Но здравому смыслу для людей на первое место выходили безопасность и работа. Нужно было переходить на рыночную экономику, от государственной формы собственности на частную. Для нашего государства эти дела предстали делами исторического масштаба. При таком переходе важно было как можно быстрее ставить экономику на «новые рельсы». Переходить, так переходить от социалистического к капиталистическому способу производства. В некоторых соседних республиках еще долгие годы существовали совхозы и другие социалистические формы собственности. И жителям этих стран было легче в начале 90-х гг., чем нам, так как их заводы и фабрики работали по инерции, поэтому вовремя выдавались зарплаты, чего не было в Казахстане. Такое движение по инерции через некоторое время выдохлось.

По истечении времени можно сказать, что это был правильный путь перехода на рыночную экономику. Нужно заметить, что «правильность» заключалась в том, что это был не просто переход, а переход сразу же, без колебаний, бесповоротно во всех отраслях экономики. Переход, имеющий специфическую особенность для нашей страны. В определенной степени был осуществлен перевод на рыночную экономику, регулируемую государством. В этот переходный период концентрация сил в одних руках и четкое руководство страной дали хороший результат. «На переправе коней не меняют». Слышалось много реплик о том, что происходящие политические процессы не в полной мере соответствуют канонам демократии. О какой демократии можно было говорить в то время, когда людям, обществу нужно было просто выживать? Во главу угла был поставлен экономический вопрос. Если говорить образно, то у руля огромного корабля должен был стоять сильный капитан, который вел бы корабль страны по верному пути, обладал бы мужеством принимать правильные решения и за них нести полную ответственность.

Можно провести историческую аналогию, вспомнив, как 32 –й президент США Франклин Рузвельт(1882 – 1945) поднимал свою страну из величайшего кризиса 30 –х годов прошлого столетия. Для Ф.Рузвельта, как и для нашего президента, главное было – это спасти страну. По здравому смыслу, что нужно было американскому народу: в первую очередь, - это работа и безопасность; когда отец приходит домой, то он должен принести зарплату, говорил Ф.Рузвельт в своих регулярных беседах с народом, проводимых по радио и призывал людей к действию. Тогда в их стране был крах банковской, финансовой систем. 11000 банков закрылись. В стране были задействованы общественные проекты: строились стадионы, детские сады и т.д. Ф.Рузвельт говорил о «регулируемом капитализме». Постепенно страна стала выходить из кризиса. У людей появилась надежда. Люди поверили, что правительство защитит их интересы, что лучше хранить деньги в заново открытых банках, чем в матрацах. Народ США видел все перемены и ощущал их позитивную тенденцию, поэтому народ поверил своему президенту. Это огромный капитал – вера народа своему президенту. В таком контексте вера выступает как социальная и политическая сила. Видно, как много схожего было у наших стран при выходе из кризиса.

По аналогии и в нашей стране по результатам деятельности руководителя страны и его команды, люди поверили им. Такое доверие казахстанского народа своему руководству, в его политику сделало возможным успешное проведение почти всех намеченных реформ.

В то же время кризис начала 90 – х годов в нашей стране по сравнению с американским кризисом 30 –х годов XX в. имел свои особенности. Кризисы имеют системный характер, но у нас был, если можно так выразиться, углубленный системный кризис. Нужно было не просто выводить страну из кризиса, но и вписать экономику в мировой экономический процесс; перейти из одной системы экономических отношений в совершенно другую, из одной формы собственности в другую; но что самое трудное – менять в определенной мере менталитет населения. Когда-то Моисею понадобилось

40 лет, чтобы изменить менталитет своего народа. Этот процесс в нашей стране еще будет долго продолжаться. На данный период развития одной из главных проблем является то, что на местах ставятся преграды более успешному проведению экономических, социальных реформ.

В нынешних условиях значимость проводимых социологических исследований будет только возрастать, для чего важно иметь теоретическое, т.е. более углубленное осмысление социологической проблематики. Это важно не только для нашей страны; здесь нужно брать шире. Об этом д.с.н. П.И.Смирнов отмечает: «Человечеству жизненно необходимо научиться контролировать процессы функционирования и эволюции общества, а это возможно лишь при условии, что социология станет действительно теоретической наукой. В настоящее же время уровень развития теоретической социологии аналогичен уровню развития теоретической физики в доньютоновский период. В целом дилемма такова: или XXI век станет веком социологии, или этот век положит конец более или менее благополучному существованию человечества. И самым первым шагом построения теории, пригодной для объяснения жизнедеятельности общества и контроля его эволюции, должно стать выявление путей формирования логически корректного понятия (понятий) «общество» [55,56]. Понятие «общество» - это философская категория, поэтому оно относится к предмету философии.

Уровень развития социологической науки ясно представляешь себе при сравнении с развитием физики. Доньютоновская и современная физика – разница между ними огромна. Теоретическая социология примерно находится на уровне развития доньютоновской физики.

В теоретическом ракурсе наше общество, как объект, представляет собой открытую нелинейную систему. В процессе развития объект проходит такую точку (точку бифуркации), от которой вектор направленности развития начинает идти в определенном направлении: или вверх (даже по экспоненте вверх), или вниз и т.д. В постсоветских республиках такой точкой

бифуркации стали 90 –е годы, когда определились векторы направленности развития для каждой из них.

Наша страна в своем развитии пошла вверх по экономическим, социальным показателям. Идет поступательное планомерное развитие нашего общества, ставящего перед собой большие задачи. Философское осмысление социальных явлений и высокий уровень развития теоретической социологии помогут успешному экономическому и социально – политическому развитию страны.

Следовательно, была сделана попытка обосновать положение о важности философских подходов в социологии; показать значимость получения студентами бакалавриата системного философского знания, тем самым подчеркнуть особую значимость философской базы для осмысления социальных феноменов; отметить некоторые проблемные моменты в самой социологии.

Скворцова говорит о «ценности компромиссного подхода к жизни». Такой подход особенно актуален в современном обществе.

Тем самым, познавательные установки, понимание основных эпистемологических понятий оказывают влияние не только на научную область, но и на социальную сферу.

2.4. Иерархия картин мира

Развитие рационального начала, означающего развитие рационального мышления, развитие науки и техники, приведшего к НТП и НТР – все это в совокупности оказывало влияние на картины мира, главным из которых является НКМ (научная картина мира). Развивающиеся наука, техника и технологии корректируют, изменяют научную картину мира.

В этом параграфе сделана попытка показать изменяющиеся НКМ, на которые большое влияние оказывало развитие науки на Западе.

Существуют различные представления о мире, как у отдельного человека, так и у социума. Единым для них является то, что упорядоченный мир существует; этот мир бесконечен; мир един для всех живущих.

Из соотношения «мир – человек» вытекают и другие отношения: народ – мир, общество – мир, человечество – мир и т.д. В последнем отношении мир рассматривается с позиции внешнего мира, Вселенной (космос).

Человек, поднимая голову вверх, не просто смотрел на небо, он вглядывался в этот огромный простор упорядоченных мерцающих звезд. Это «звездное небо надо мной» (слова Канта) изумляло его, оно будило Мысль. У мыслящего существа (*Homo sapiens*) шел процесс параллельного освоения самого себя, пребывающего в пространственно-временном континууме, и огромного мира; шло формирование духовного мира человека, которое вместе с духовно-материальным бытием социума представляет Культуру. Все происходило сложным путем. В этом бесконечном процессе есть несомненные достижения, важным из последних достижений является то, что точка «наблюдателя» переместилась с нашей планеты на околоземную орбиту и на Луну, что влияет на изменение параметров Субъекта познания. Наряду с этим на изменение параметров субъекта влияют многие другие факторы. Компьютер, Интернет начинают входить в содержание понятия «субъект познания». Классическое понимание субъекта познания уже не соответствует уровню современной постнеклассической науки.

Мифологическое мировосприятие было синкретичным и в нем почти все было очеловеченным – это в смысле того, что познание исходило из психологии человека, оно было интуитивным и соответствовало природе человека; сами древнегреческие Боги были похожи на людей. Все исходило из сущности человеческого «Я». В мифологическом постижении мира, естественно, много места занимали тайна, фантазия. Способом постижения действительности выступала первоначальная интуиция человека. Этот

момент нужно подчеркнуть, так как в последующем в познании будут иметь дело с интеллектуальной интуицией.

Интересно и то, что в современном обществе, особенно в последние десятилетия, таинственное мифологическое стало занимать немалое место. Наряду с мифологемами древности существуют и современные мифологемы, что еще раз подчеркивает живучесть таинственного в природе самого человека, на которое не влияет даже познание. «Познание не властно над мифом...», справедливо замечал Кассирер. В современной науке можно говорить не просто об интуиции, а об интеллектуальной интуиции. В таком статусе интуиция актуальна.

«На эмпирическом уровне накоплен грандиозный массив данных о мифологиях разных времен и народов, о производных от мифа структурах, накопленных в истории изобразительного искусства, литературы, в истории культуры, фольклористике, этнографии и других отраслях науки» [37,31]. Религиозная картина мира, пришедшая на смену мифологическому, до сих пор играет и будет играть большую роль в социуме, в жизни людей. Вера, тайна, сверхъестественное включены в мифологическую и религиозную картины мира. Эти картины мира соответствуют историческим типам мировоззрения – мифологическому и религиозному. Уточним, что «мировоззрение - это система представлений о мире и о месте в нем человека»[39, 366]

Мировоззрение и картины мира тесно взаимосвязаны между собой. Процесс перехода от Мифа к Логосу означал переход к рациональному постижению мира. Этот переход означал появление субъекта познания, становление веры Человека в силу своего разума.

К. Ясперсом выделено «осевое время» между 800 – 200 г.г. до н. э. – именно в этот период начинается новый этап осмысления Человеком себя и своего места в мире, начинается становление рационально-разумного постижения мира на основе появления философской рефлексии на мир. При метафизическом подходе акцент сделан на неизменных фактических

положениях, составляющих основу парадигмальной картины мира. Глобальный эволюционизм означает исследование объектов на длительных временных отрезках, на очень длинных промежутках (на таких, где единицей измерения выступает световой год).

Если вдуматься, то даже в начале XXI в. мы мало знаем о солнечной системе и о своей планете. Ведь только недавно нога человека ступила на спутник Земли – на Луну, несколько сотен людей побывало на околоземной орбите и полетало вокруг своей планеты; до ближайшей планеты Марс долетело космическое устройство, но не человек и в 2014 г. была исследована одна комета. И это только начало космических исследований. Это высшие достижения для начала XXI в., но в историческом подходе эти достижения не высоки.

Вот и все, что достигнуто к данному времени. В космическом измерении, если можно так выразиться, это не так много.

Таким образом, только – только человек стал отрываться от своей колыбели – Земли; такие достижения можно сравнить с первыми шагами Человечества, которые можно сопоставить с первыми шагами малыша. Как у малыша, так и у Человечества впереди длинный долгий путь. У малыша – жизненный, а у Человечества – космический (космос (гр.) в переводе – порядок). Можно предположить, что, по аналогии, какое у малыша имеется представление о жизни (понимаем, что это незрелое представление), где-то такого же рода представление о космосе у Человечества, то есть наше нынешнее представление о Мире. Существующий объективный реальный мир вне человека, отраженный в нашем сознании, является представлением. Существовали и существуют различные представления у людей, у сообществ о мире. Эти репрезентации имеют разные названия: картина мира, религиозная картина мира, модель мира, образ мира, научная картина мира (НКМ), концептуальная картина мира, мировидение, национальная картина мира, культурная картина мира, индивидуальная картина мира (ИКМ), языковая картина мира (ЯКМ), ценностная картина мира и т.д. Это

представления имеют где-то свой общий оценочный показатель, связанный с уровнем развития мировой цивилизации в определенной точке на шкале исторического времени.

Ценность картин мира заключается в том, что они сильно влияют на развитие конкретных наук, на культуру, а значит на будущее человека, нации, общества, человечества. Поэтому эта тема будет всегда актуальной. Существует и обратное влияние. Будет интересно, если для конструирования картины мира привлечь монады Лейбница. К монадам относятся различные конструкты – это человек, общество, нация, человечество и т.д. Лейбниц представлял их как субстанции. Отношения между ними, их взаимовлияния друг на друга и т.д. представляют собой многочисленные комбинации, связанные с культурой, менталитетом, с представлениями о мире. Работая с такими монадами, можно не отвлекаться на их содержание, что важно при конструировании такого сложного теоретического объекта, каковым является «картина мира».

Различные картины мира, перечисленные выше, должны иметь иерархию. Не вдаваясь в критерии, определяющие эту иерархию, остановимся на двух - это ИКМ (индивидуальная картина мира) и НКМ (научная картина мира), которые с большой вероятностью можно отнести к крайним в этой иерархии.

Говоря об индивидуальной картине мира (ИКМ), разделяем позицию Э.Маха: «Не только человечество, но и каждый человек находит в себе, раз пробудившись к полному сознанию, готовое мировоззрение, в сложении которого он не принимал участия. Он получает его как дар от природы и культуры»[68, 13]. Это положение Маха можно было бы уточнить: более вероятно, что он имеет ввиду врожденное и приобретенное знание. Врожденное знание – это дар от природы, а приобретенное знание – это дар от культуры. Человек путем образования получает то знание, которое культура, наука накопили к рассматриваемой точке исторического времени. В контексте такого уровня знания у человека формируется ИКМ. Насчет

врожденного знания нужно подчеркнуть, что такую точку зрения многие исследователи не разделяют. Это проблемно, но такая точка зрения существует.

От этого положения можно сделать переход к следующему: ИКМ детерминирована научной картиной мира (НКМ), самой КМ, национальной картиной мира и т.д. ИКМ в иерархии картин мира предстает как нечто простейшее, элементарное. Это означает, что ИКМ каждого человека находится в функциональной зависимости от всех других картин мира, эта функция может находиться в прямо пропорциональной (или иной) зависимости от них. ИКМ зависит от характерных черт эпохи, достижений науки на данный момент времени, национальной и мировой культуры. С одной стороны, все они отражены в религиозной, национальной, языковой, научной и др. картинах мира. С другой стороны, ИКМ каждого человека зависит от уровня его интеллектуального развития. Таким образом, ИКМ имеет параметры объективного и субъективного характера. Чем объективнее ИКМ конкретного человека, тем интереснее ему мир, сама жизнь, и наоборот: он сам интересен окружающим.

В иерархии картин мира мы остановились на самой элементарной ступени (по нашему подходу) – ИКМ. Теперь остановимся на самой объективной, рациональной, наиболее весомой картине мира – научной (НКМ), которая оказывает определяющее влияние на остальные картины мира. Если картины мира стали формироваться еще в древности, то НКМ возникает с появлением науки, значит примерно в XVII в. Появление науки связано с появлением теоретического естествознания. Бурное эволюционное и революционное развитие науки изменяет НКМ. Изменения в НКМ фиксируются на различных этапах развития науки. Это известное деление: классическая, неклассическая, постнеклассическая этапы науки, и им, по – большому счету, должны соответствовать классическая, неклассическая и постнеклассическая научные картины мира. В этой работе будет взято такое соответствие, будет такой методологический подход.

Как известно, при классическом этапе развития науки (с XVII в. до середины XIX в.) в европейском обществе господствовало механико – математическое мировоззрение, поэтому НКМ представляла собой механистическую картину мира. Здесь субъект познания был четко ограничен от объекта. Самой развитой наукой была механика. В самой науке господствовал метафизический метод познания. По Декарту мир представлялся огромной машиной, даже человека представляли в виде сложной машины. Это было грубое приближение к адекватному пониманию человека, но для того времени это был прогрессивный шаг. Это приближение давало более – менее контурное представление о человеке.

Ньютоновская механика представляла время как неизменную данность, а описанию пространства более всего соответствовала евклидова геометрия, написанная Евклидом в III в. до н.э. Как замечает Massimi, M. в своей статье, опубликованной в журнале *Studies in History and Philosophy of Science* (2012): «Newton's mathematical principles, expressed by his laws of motion, would play for Newton as well as for Kant, a constitutive role in explicating the theoretical concepts of natural philosophy such as motion, force, and causality, and in so doing they would make the world of experience intelligible as an ordered, law – governed world» [6, 10]. («Математические принципы Ньютона, выраженные его законами движения, будут играть для самого Ньютона, а также для Канта, конститутивную роль в экспликации теоретических концептов натурфилософии, таких как движение, сила и причинность, и при этом они будут делать мир опыта понимаемым как упорядоченный, законно регулируемый мир») [6, 10].

Именно законы Ньютона легли в основу механико – математического представления о мире, которые позволили обосновать мысль об его интеллигибельности, основанной на такой характеристике универсума как упорядоченность.

Неклассическая картина мира (XIX - XX вв.) возникла под влиянием теорий термодинамики, в которой жидкости и газы нельзя было представить

как чисто механические системы и в которой есть место случайным процессам. На неклассическую картину мира повлияли открытия электромагнитного поля и теории относительности. Как известно, в этот период было сделано много открытий: электрон, радиоактивность, изменение времени и массы тела, движущегося со скоростью света и др. Некоторые физики заявляли о том, что «материя исчезла, остались лишь математические уравнения». В новой парадигме науки изменения в рассматриваемой системе осуществляются по законам вероятности и больших чисел. Поэтому в НКМ, соответствующей этапу неклассической науки, от представления о мире, выраженной законами механики, был осуществлен переход к более широкому пониманию мира, включающим случайные вероятностные события, в котором время не неизменна, а имеет совершенно другой статус. Открытие общей и специальной теории вероятности А. Эйнштейном изменили картину мира. Репрезентация мира стала совершенно иной: новому пониманию пространственно-временного континуума лучше стала соответствовать неевклидова геометрия.

Постнеклассический этап науки начинается примерно с 1970 – х гг. с появлением синергетики. Рассматриваются открытые нестабильные и нелинейные системы, в которых система может изменить траекторию своего развития в точках бифуркации и пойти в одном из нескольких возможных направлений. В системе возникает новый уровень организации. Системы являются самоорганизующимися. В постнеклассическую картину мира включены ценностные характеристики, методология разветвляющегося поиска и вариативного знания; включен принцип глобального эволюционизма. Ныне постнеклассическая картина мира оказывает влияние на все остальные картины мира, на характер исследования всех объектов научного познания, на современные мировоззренческие установки.

Если представим, что действительно существуют другие цивилизации и устанавливается с ними связь (вероятность этого не равна нулю). Если представители каких-либо цивилизаций прилетят к нам, то это означает, что

они находятся на более высоком витке развития, чем наша цивилизация. Тогда все наши картины мира одна за другой претерпевают сильные изменения (это мягко сказано).

Возможно, нужно будет вводить объединяющее все картины мира одно название, в котором будет слово: антропологическая. Ведь: «Человеческая природа – подлинный объект науки» [40, 21]. Тогда объединяющим названием более всего должна быть: антропологическая картина мира (это постановка проблемы, требующая своего дальнейшего исследования).

Итак, ИКМ и НКМ являются самыми крайними в иерархии картин мира. ИКМ имеет объективную и субъективную параметры; ИКМ окрашена эмоциями, верой, субъективными представлениями, а НКМ предстает как рационально объективное знание. НКМ находится в прямой зависимости от уровня развития науки, поэтому саму НКМ можно подразделять соответственно этим этапам развития науки. Тогда можно говорить о том, что есть классическая НКМ, неклассическая НКМ и постнеклассическая НКМ (Все это относится к постановке проблемы, требующей своего дальнейшего исследования).

2.5. Доказательство и понимание

Ныне проблема понимания относится к наиболее обсуждаемой философской проблеме. В то же время и понятие доказательства, как понятие истины и аргументации, также выдвигается в разряд актуальных. Рассмотрим характер существующей взаимосвязи между пониманием и доказательством.

Прежде чем приступить к такому анализу напомним, что понимание является объектом исследования герменевтики. Происхождение термина «герменевтика» восходит к древнегреческой мифологии. Существовал миф о том, что посредником между богами и простым смертным был Гермес. В переводе термин «герменевтика»

означает искусство толкования изречения, текстов, знаков, смысла. Еще Аристотель указывал на различие между пониманием и доказательством: если силлогическое доказательство обучает знанию, то понимание же должно сопровождаться опытом, а не голым доказательством. Если доказательство понимать как процедуру установления истинного положения, то значит, что доказательством устанавливается знание. В этом заключается основная функция доказательства. Помимо этого, доказательством добывается новое знание, что показывает его эвристическую функцию. Эти функции доказательства осуществимы в самом первом подходе при существовании предписания. Доказательство осуществимо при наличии предпонимания о самом процессе познания, о конкретной научной области, о способностях субъекта познания, о потребностях общества в целом, науки в частности и т.д. Д.Вико (1668-1744 гг.), одним из первых осознал философское значение проблемы понимания, он утверждал, что человек понимает только то, что сможет сделать сам или сделал. На той же позиции стоял и И.Кант: человек понимает только то, что в состоянии сделать. Тем самым понимание указывает на такой аспект в человеческом познании как то, что человек смог бы осуществить на практике. Реальный материал сопротивляется и то, что в духовном идеальном варианте получается правильно на практике не всегда осуществимо. В советской философской литературе эта проблема рассматривалась как проблема взаимоотношения между практикой и теорией.

В этом диалектическом взаимоотношении практика считалась первичной. На взаимосвязь между теорией и практикой можно взглянуть с позиции герменевтики. В таком контексте новый смысл приобретают как теория, так и практика.

Возможно обратное влияние разработанных представлений о понимании в теории и практике для уяснения самого понимания. Если

высказываний и т.п., а придерживаться следующего подхода: «Понимание - одна из важнейших сторон человеческого освоения мира, характеризующая качество и степень этого освоения. Меняется и развивается общественная практика - меняются и совершенствуются способы осмысления действительности, и мы рассматриваем динамику познания как переход от незнания к знанию и затем к пониманию имеющихся сведений о мире» [57, 113].

Авторами подчеркнут важный момент в осмыслении соотношения между пониманием и знанием. Основой понимания является знание. Истинные положения составляют основу понимания, среди которых более фундаментальными положениями будут доказанные. Здесь важно подчеркнуть, что знать и понимать - это разные вещи. Знать - значит обладать знанием о чем-то. Многие имеют знание о чем-то, но понимают немногие. Понимание в некоторой степени граничит с прозрением.

Ныне проблематика понимания исследуется в разных аспектах: и как повседневное понимание, непосредственное понимание, понимание высказывания, понимание хода в конкретной игре, понимание ситуаций, обстоятельств и т.д. Эти различные формы понимания имеют одни предпосылки, присущие им всем: «... характеристики мира не изменяются от перемены мест участников взаимодействия. Именно это допущение является основной предпосылкой понимания людьми друг друга при осуществлении сложных действий со множеством участников, да и вообще главной предпосылкой успеха любого действия» [58, 48]. И эти характеристики мира определены и объективны.

Шпенглер О. замечает: «... обратим внимание на происхождение слова «понимать» - «взять рукой» - суть значимости телесного характера» [18,192]. Тем самым Шпенглер стоит на той же позиции понимания, что и Аристотель и Кант. В каком-то смысле понимание

означает перенесение значимости чего-то из идеальной субстанции в реально материальную. Доказательство является процессом, устанавливающим адекватность между материальной и идеальной субстанциями. Тогда понимание чего-то выступает как представление его в параметрах бытия. «Понимание ... напротив, изначальная форма исполнения человеческого существования, которое представляет собой в мире – бытие» [59,311]. Понимание является не только основой познания, но оно предстает и как успешный результат определенного рода деятельности. К пониманию относится адекватное осмысление места, роли, значимости рассматриваемых положений, полученных не только на основе глубоких знаний, но и благодаря интуиции, вере, творческому озарению. Поэтому к пониманию относится осмысление того, какие из положений являются основополагающими, а какие второстепенными, какие обладают свойством доказанности или истинности и т.д., или по-другому, при понимании происходит определение статуса рассматриваемых положений, концепций, теорий. Понимание можно дифференцировать по степени общности. Более широкое понимание означает рассмотрение некоего положения в ракурсе того, насколько оно связано с другими, элементом какой системы является, рассмотрение его в содержательном, структурно-формальном и т.д. аспектах. В силу чего одно и то же положение может быть понято более широко, или более узко, или более глубоко. На понимание оказывает большое влияние выработанный взгляд на рассматриваемые положения в историческом аспекте – это эволюционный подход, и также в генетическом аспекте, что означает рассмотрение возникновения и условия становления изучаемых объектов; в социокультурном аспекте. Известен такой период в истории познания, когда к разрешению медицинских, биологических и других проблем подходили с позиции механики. И такой подход был приемлем в данном социокультурном контексте. Возникающие

понимание - идеальное, которое осуществимо на практике, то есть это идеальное, переведенное в материальное, тогда можно сказать, что понимание человека - это то, что он может сам сделать. Понимание же общества - это то, что осуществимо им на практике.

В XIX в. возникает философская герменевтика, основоположником которой был Ф.Шлейермахер. Впервые Шлейермахером Ф. (1768-1834) было введено понимание «герменевтического круга». В конце XIX в. герменевтика сливается с «философией жизни» в работах В. Дильтея. И эта герменевтика выступала как методология всех наук о духе. В историческом плане М. Хайдеггеру принадлежит концепция о том, что герменевтическое понимание представляет собой фундаментальный способ бытия человека. В развитии герменевтики большое значение имеют работы Гадамера, который обосновывает мысль о значимости понимания. По Гадамеру герменевтика, претендует на статус универсальной философии нашего времени. Он стремится показать, что герменевтика имеет «... фундаментальное значение для всего нашего миропонимания, во всех его формах: от интеллектуальных коммуникаций до социальной манипуляции, от опыта, получаемого индивидом в обществе, от традиции, созданной религией и правом, искусством и философией, до освобождающей энергии рефлексии революционного сознания» [56, 5]. Тем самым здесь выдвигается положение о том, что понимание является основанием для всех форм, как интеллектуальной, так и предметно-практической деятельности. Существуют герменевтики искусства, морали, религии.

Понимание – вот что главное. Как это тонко, изменчиво – пока говоришь, уже что – то исчезает. Интересно в этом смысле, сказанное, да и сделанное Сократом. Он не писал свои мысли, они просто находились в своей стихии, ведь как нельзя зафиксировать, остановить движение, так и мысль. Это движущееся, изменяющееся. Река – это

движущееся, не бывает остановившейся реки: остановившаяся река – это не река, это другое. А разумом останавливаем. Это в полной мере не является правильным. Возможно близко к правильному, когда останавливаешь мысль и быстро отпускаешь ее в свое естественное русло; она должна быть в движении. Когда задерживаешься надолго, а или вообще хочешь постоянно пребывать в одном статусе – это неадекватно. И в то же время другого пути для познания, как остановить поток и исследовать его, не имеется. Потом полученные результаты, в виде знания, вновь по – другому рассматривать, в другом ракурсе, в различных степенях обобщенности и т.д. это бесконечный познавательный процесс. Понимание других людей, понимание природного, социального, понимание самого себя. Осмысление всего того, в чем живешь, пребываешь, находишься, существуешь. Это тоже своего рода репрезентация. Может ее назвать как внутреннюю репрезентацию. Кем – то, а может быть несколькими авторами. замечено: лишь бы было понимание, а слова найдутся. Пониманием создается ощущение

Такое понимание, присущее Сократу, было присуще и другим. Ярким примером этого служит дзен – буддизм, в котором переосмыслены традиционные подходы к важным вещам мудрецов Конфуция и Лао цзы. Из них Лао цзы близок к Сократу.

Понимание нечто происходит тогда, когда оно рассматривается в контексте большего. Смысл, значение доказательства как мыслительного процесса обусловлен в общем-то пониманием понимания. Даже более, можно так сказать о любом познавательном процессе. Познание в целом осуществляется в контексте понимания.

В силу того, что доказательство применяется в рациональной области познания, будем говорить о доказательстве и понимании в рациональной области. Такой подход вполне возможен, если к пониманию отнестись не только с позиции осмысления языковых образований - текстов,

парадоксы, противоречия, неполнота осмысления толкали к осознанию неадекватности способов, методов исследования. Нахождение новых методов, углубляющих процесс понимания, двигал познание вперед. На основе того, что достигнуто, сделано, пройдено, осмыслено, понято, формулируется более определенная задача по выявлению следующего круга явлений, могущих стать объектом исследования (это также сложный момент, аспект). Ныне такими объектами в современной науке выступают нестабильные, неравновесные системы. Тогда как объектами классической науки были равновесные системы. Появление нового объекта влечет за собой новый, отличный от классического, подход в исследовании. Адекватные методологические подходы приближают нас к пониманию вещей, явлений, процессов, теорий, концепций, гипотез. В область понимания входит понимание физического мира и мира науки, которые вместе подвигают нас к пониманию жизненного мира.

В область понимания бытия человека, мира входит и область науки. Постоянное переосмысление сущности науки в таком контексте является основой ее поступательного движения вперед. Постоянно соразмерять, критически переосмысливать свои компоненты - наиболее адекватная форма существования науки.

М. Хайдеггером (20-е гг. XX в.) понимание рассматривается как способ бытия человека в мире. Жизненный мир человека включает в себя и свое собственное бытие, включенное в общественное бытие, и научный мир. Индивидуальный бытийный опыт человека вполне позволяет ему существовать как биологическому индивиду; овладение опытом общечеловеческого бытия, в какой-то мере отраженного в «научном мире», позволяет ему становиться действительно личностью. Становление личности происходит и на основе того, что эти знания применяются на практике и влияют на способ бытия человека. Особенно влияют на общественное сознание те положения, которые

доказаны. Доказанность некоторого положения формирует убежденность в истинности данного положения, поэтому с твердой уверенностью можно будет опираться на них в познании и деятельности. И они помогают осмыслить и понять глубже многое.

При доказательстве не остается места колебанию, сомнению в истинности или ложности положений, поэтому в этом смысле доказательство формирует понимание. При ознакомлении с ходом доказательства, т.е. с демонстрацией цепи выводов, происходит осмысление места доказываемого положения в цепи взаимосвязанных элементов, - что позволяет лучше понять. Особенно тесная взаимосвязь существует между пониманием и доказательством в математике: доказанные положения являются уясненными, понятыми положениями. Понимание в математике означает вывод положений на основе доказательства. Индивид, понимающий конкретные математические положения, всегда сможет их вывести, поэтому адекватное воспроизведение относится к характеристике понимания. Следовательно, понимание и доказательство близки друг другу в математике, так как доказанные положения однозначны, поэтому они и однозначно понимаемы.

Следует подчеркнуть, что если представление является поверхностным пониманием, то понимание предстает как сущностное представление. Взаимосвязь между представлением и пониманием предстает как диалектическая взаимосвязь между явлением и сущностью.

При рассмотрении вопроса о возникновении греческой философии Э. Гуссерль высказывает такую мысль: «В попытках понимания, они либо сами превращаются в философов. либо, если они слишком связаны профессиональной деятельностью, - в посредников» [60, 109]. «В попытках понимания» - в этом словосочетании заключен смысл, отражающий одну из сущностных сторон познания. Процесс

познания нацелен на то, чтобы получить знания конкретно-специфического или общего характера, дающие в совокупности то, что выступает не только как основа для понимания, но и как результат попыток понимания. «Понять что-нибудь - исторически или в области естествознания - значит гармонически включить в имеющийся уже запас пережитого или познанного» [18, 110]. Что означает - понимание выступает как синтез чувственного и рационального.

Сущностное понимание вопроса осуществляется при философском подходе. Возьмем пример из обычной литературной, театральной жизни. Произведению, вызвавшему наибольший интерес у интеллектуальной части читателей, зрителей, дается определение, выраженное одним словом - философское. Сущностное представление - это результат философского подхода, поэтому философское осмысление дает более полное и глубокое понимание объекта. В конкретных науках, будь - то математика, естественные или гуманитарные науки, анализ самого объекта и плюс философское осмысление его позволяют подойти к более полному пониманию. Поэтому важны не просто сами конкретные науки, но и философия этих наук, т.е. физика и философия физики, биология и философия биологии и т.д.

Усилия в попытках понимания в общем смысле подводят к философскому осмыслению сущности рассматриваемых проблем и выводят исследователей за пределы их узкой предметной области. Особенно четко выражается такая тенденция в периоды кризиса науки. При разрешении возникающих противоречий в конкретной научной области исследователи вынуждены выйти в философскую область. Так получается, ибо логика познания вынуждает их так поступать: понимание достигается при широкоохватном, целостном подходе, который возможен в философской области. Познание движется по логике развития объекта. Но в то же время нужно подчеркнуть, что

понимание зависит не только от характеристик объекта, но и в меньшей степени от способностей субъекта. Даже более: «И то, что мы можем понять, мы можем понять только духовно, то есть не по законам объекта, а по законам духа»[33,99], утверждает М. Мамардашвили. Здесь подчеркнем интересный момент. Если процесс познания идет по логике развития объекта, то процесс понимания - по «законам духа». Где-то в этом моменте кроется причина того, что в «науках о духе» был сделан акцент на «понимание».

Понимание об одних и тех же вещах существует на различных уровнях. Эти уровни можно представить как бы по вертикальному срезу, начиная от поверхностного. Поверхностное понимание - это поверхностный срез реальности и он является содержательным без четкого оформления. Поэтому первые сведения об определенном круге явлений выступают в виде знаний эмпирического характера. Движение по вертикальному срезу понимания означает углубление процессов абстракции, идеализации, приводящих к теоретическому оформлению знания. В развитых теориях доказанные положения, соответствующие уровню строгости, дают однозначное понимание. Движение по вертикальному срезу понимания означает получение все более расширяющихся понятий. К примеру, в математике понятие числа развилось от натурального до гиперкомплексного числа, тем самым приблизилось к более полному сущностному пониманию числа.

К пониманию приходят на основе не просто знаний о предмете, а на основе глубоких знаний. Этот момент необходимый, но не достаточный. Понимание основывается на осознании, чувствовании предмета, поэтому оно шире, чем сумма знания. Понять можно только то, что известно. Доказанное положение входит в «актив» познания, тем самым зная такое знание - это основа для понимания. Знания, составляющие основу понимания, наиболее ценные, ибо они «работают» в процессе познания, и они вовлечены в духовно-

практическую деятельность. Доказанные положения составляют непоколебимый стержень понимания.

Более вероятно, что понимание означает осмысление места, роли, сущности рассматриваемого объекта; его взаимосвязи с другими явлениями; осмысление его изменяющегося статуса, схватывание сути объекта в его развитии, охват многообразия в едином. Сущностное понимание, в каком-то смысле, означает перевод знания с рационального уровня на чувственный. Но это чувственный уровень не тот, который наличествовал на начальном этапе развития научного знания, а тот, к которому приходят после теоретического осмысления, то есть тот уровень, где происходит синтез рационального и чувственного.

Так как индивидуальное понимание суть личностный, неотделимый от человека феномен, поэтому оно зависит от его личностных качеств, в свою очередь находящихся в зависимости от включенности человека в различные системы человеческой жизнедеятельности. Индивидуальное понимание зависит от знания, которым обладает индивид, и от его способностей, таланта. Наличие таланта означает единство «Я» и предмета, субъекта и объекта; такое единство, когда логика не просто деятельности, а жизнедеятельности субъекта совпадает во многих характеристиках с логикой бытия объекта. Интересы субъекта как бы полнее реализуются в области бытия исследуемого объекта. Такой «сплав» позволяет субъекту глубже понять объект, как некое целое и часть другого целого, подойти к некоторому «порогу» чувствования объекта, которое достигается при некотором синтезе творческой интуиции и рационального знания. В рамках «философии жизни» (В.Дильтей, Г.Зиммель) этот момент у В. Дильтея выражен так: понимание - это значит «найти Я в Ты», а у представителей персонализма - найти «Ты в Я». Нужно отметить, что у Дильтея индивид выступает начальным

пунктом понимания, а само «понимание» - основная категория в науках о духе. Вводимая в эти науки категория «понимание» определяется, как нечто позволяющее интерпретировать события жизненного характера, которые невозможно объяснить на основе необходимых причинно-следственных связей. В попытках объяснения событий такого характера, которые несут в себе единичность своего бытия, не подпадают под многократно повторяющиеся события, присущие природным явлениям, как наиболее оптимальная категория введено «понимание».

Отсюда ясно: такие объяснения имеют оттенок субъективности.

Дильтей проводит на этой основе аналогию с кантовским трансцендентальным идеализмом. У Канта «как возможна метафизика», у Дильтея «Как возможно историческое познание» на основе того, что дан человеку мир событий, становящийся актуальным лишь в «переживании и представлении». Таковы некоторые подходы к пониманию у Дильтея, представителя «жизненного мира».

Расширив область применения понимания как одной из функций философии, можно рассмотреть данное понятие в рациональной области познания.

Тем самым понимание означает качественный переход от рационального уровня познания к более широкому, где осуществляется понимание как синтез рационального и иррационального. Вот этот момент характеризует то особенное, что присуще пониманию.

В силу того, что доказательство воспринимаемо, оно и понимаемо. По-другому, понимаемое означает интеллигибельное. Доказательство обладает принудительной силой, заставляя поверить и принять доказанное положение. Доказательство как бы принуждает признать объективное положение вещей. Такое важное свойство доказательства дает возможность привести порядок, гармонию и мир

хаоса - будь - то мысли, будь - то бытие человека, общества. Доказательство в принудительном порядке заставляет поверить в истинность неких положений, поэтому доказанные положения становятся основой деятельности людей. Тем самым с помощью доказательства осуществляется переход к пониманию. Основой понимания является смысл. Обретение смысла и есть понимание, поэтому понимание приобретает, тогда, как истина достигается доказательством.

В то же время нужно отметить, что «... религиозные учения не подчиняются требованиям разума, стоят над разумом. Их истину нужно почувствовать нутром, понимать их нет надобности» [61, 116]. Интуитивное понимание истины более относится к положениям, относящимся к области иррационального, где главное место занимают вера, интуиция. Поэтому можно согласиться с констатацией З. Фрейда: «... поднимать вопросы о доказательности догматов веры вообще запрещено. Подобные поползновения раньше строжайше карались, да и сегодня общество с недоброжелательством встречает попытки их возобновления» [61, 114-115]. Тем самым можно ставить вопрос о доказанности положений только в том случае, если они относятся к области рационального. Тогда и понимание в соотношении с доказательством можно рассмотреть в рациональной области. Именно в этом аспекте доказательство и понимание имеют общее. Понимание в рациональной области основано на доказанных положениях. Доказанность отрицает все черты ненадежности. Достигаемая истина не абсолютна, и это положение об относительности истины в познании можно сказать, абсолютно. Доказательство и понимание в рациональной области как-то совпадают, и из доказанности следует понимание, поэтому не так уж важно выделять понимание специально. Это связано с тем, что доказательство позволяет получать однозначно-определенные положения. Особенно этот момент присущ

естественным наукам. Но дело меняется, когда рассматриваются положения в науках, где объектом является человек.

В иррациональном контексте возможен выход на понимание. В контексте понимания доказательство более всего адекватно своей сути, оно всегда позволяет понять. В рациональной области возможно четкое понимание благодаря доказательству. Тем самым важно осознание того, что доказанное составляет часть понимаемого или интеллигибельного. Поэтому суть доказательства определена и зависима от понимания. В то же время понимание, как впрочем, и доказательства, зависимы от характеристик субъекта в не меньшей степени, чем от характеристик объекта. Если при доказательстве важны такие характеристики субъекта, как возможность правильного мышления, то при понимании, помимо того что нужно для доказательства также, важно будет все то, что относится к бессознательному, эмоциональному, тем самым можно подчеркнуть, что область понимаемого шире области доказуемого.

При более широком подходе нужно отметить, что в жизненный мир включен научный мир. Поэтому ориентация на жизненный мир в процессе познания будет более верным подходом. Именно такая ориентация позволяет снять ограниченность чисто познавательного процесса, приводящего к отчуждению.

В круг познанных явлений Универсума должна быть вплетена Жизнь, но подход к познанию жизненных явлений на основе рассудка не является адекватным процессу познания самой жизни. Дело в том, как замечательно заметил Виндельбанд В., что: «... сумма нашего существования деленная на разум, никогда не разделится без остатка... это граница, перед которой доказывающий понимающий разум должен остановиться. Это сокровенное можно только сочувствовать, переживать» [35, 12]. Поэтому чисто доказанное или просто научные положения не в состоянии охватить жизненный круг явлений, остается

нечто такое, что имеет огромный смысл для человека, и в то же время не схвачено рассудком. В более общем контексте будут справедливы следующие высказывания Ортеги-и-Гассет: «Итак, не жизнь для разума, науки, культуры, а наоборот: разум, наука, культура, имеют только одно предназначение - быть орудиями, подспорьями для жизни»[62, 315]. Можно отметить, что эта позиция более близка к справедливой позиции.

Для разрешения такого противоречия найден был выход: допущение понимания в «сферу чистого разума». «Разум - это отнюдь не сухой и холодный рассудок, подавляющий многообразие побуждений нашей души, а совокупность всех функций нашего духа в их живом взаимодействии. В нем наше познание, наша воля ведут между собой таинственный диалог, определяющий нашу духовную сущность» [34, 73]. Возможно в этом заключается одна из причин появления такого философского направления как герменевтика.

Доказательством получают истинные знания. а следующим шагом будет понимание в несколько другом аспекте - использование доказанных положений на практике. Если понимание относится к сфере материального, то в какой то степени под пониманием можно подразумевать такие действия, которые адекватны как идеальному, так и материальному. Такое соотношение позволяет говорить о взаимосвязи доказательства и понимания, так как именно в этом аспекте доказательство и понимание имеют общее. Нечто понимаемое человеком включено в жизненный контекст. Бытийные характеристики обуславливают понимание, но и в то же время сами обусловлены им, и вообще бытийные характеристики человека обусловлены пониманием Добра, Истины, Ценности, Смысла, Красоты.

Так как в области рационального доказательством осуществляется получение истинного положения, поэтому понимание зависит от рода доказательств.

Можно сделать следующие выводы:

а) доказанные положения составляют стержень понимания. Доказательства некоторого положения позволяют осуществить его понимание, поэтому, там где есть доказательства, можно сказать, что есть и понимание;

б) доказанные положения представляют собой как бы развернутые шаг за шагом поле мысленных переходов, где четко показана существующая между ними связь, что дает однозначное понимание;

в) обретение смысла есть понимание, поэтому понимание приобретается, тогда как истина достигается доказательством;

г) совокупность понимаемых положений довольно шире чем множество доказанных.

Заключение

Постнеклассическая наука характеризуется тем, что появились совершенно новые методологии. Происходит процесс перехода к новой парадигме, новые аспекты которой намечены во многих идеях современных философов науки, к которым можно отнести и С.Тулмина. Данный автор настаивает на том, что необходимо создать новую эпистемологию науки. С большой вероятностью можно предположить, что в ней свое место должны занять и восточные методологии, к которым относятся подходы дзен – буддизма, особенности исламской эпистемологии.

В данной работе по каждому из рассмотренных аспектов науки были не только выявлены их основные установки, но и указаны проблемные стороны. Нерв исследования виден в заостренности на том, что жизненные параметры активно входят в область научных исследований.

Поэтому в этом контексте уже важен пересмотр, переосмысление многих методологических установок в самой науке и в философском осмыслении научных проблем.

Острота проблемы состоит и в том, что примерно к 2030 г. ожидается такой феномен как сингулярность.

Литература

1. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. - М: 2007.
2. Уайтхед А. Избранные работы по философии. Прогресс. М. 1980.
3. Бор Н.Атомная физика и человеческое познание. М.,1961.
4. Ляпунов А.А.Проблемы теоретической прикладной кибернетики. М., 1980.
5. Берка К.Измерения М., 1987.
6. Massimi M.Philosophy of natural science from Newton to Kant. *Studies in History and Philosophy of Science* (2012), <http://dx.doi.org/10.1016/j.shpsa.2012.10.010>
7. Гильберт Д.Основания геометрии. М.,1948.
8. Л. да Винчи. Избранные естественно – научные произведения. – М.: АН СССР, 1955.
9. Лекторский В.А. Философия и научный метод//Философия в современном мире. Философия и наука. – М.: Наука, 1972.
10. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984
11. Абрамов Ю.А., Демин В.Н. Сто великих книг.М.: «Вече», 2009.
12. Иммануил Кант. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006.
13. Кант И. Сочинения в 6 – ти томах. Т.2, М., 1964.
14. Гегель Г. Сочинения в 14 томах. М. 1959. Т. 4.
15. Материалы для биографии Лобачевского/Сб. научных трудов. – М.,1948.
16. Гегель Г. Энциклопедия философских наук/пер. с нем.. – М.: Мысль. 1974. – Т.1.
17. Гегель Г. Сочинения в 14 томах. М. 1959. Т. 4.
18. Шпенглер О. Закат Европы/ пер. с нем. – Новосибирск: Наука, 1993.
19. Nakamura H., 2002. History of Japanese Thought 592 – 1868 (Japanese Philosophy before Western culture entered Japan). London. New York. Bahrain.
20. Фромм Э., Судзуки Д., Р. Де Мартино. Дзен – буддизм и психоанализ. – М.,- 1997.

21. Leamen O.,2000. Eastern Philosophy: Key Readings.Routledge. London and New York.
22. Кант И. Критика чистого разума. М., 1963.
23. ПопперК. Что такое диалектика?// Вопросы философии. 1995, № 1.
24. Гегель Г. Лекции по истории философии. Соч. Т.-9, Кн. 1. –М.: 1932
25. Г.В.Ф.Гегель. Наука логики. – Санкт –Петербург.Наука, 2005.
26. Лекторский В.А. Перспективы российской науки как социального и культурного института/ (материалы «круглого стола») //Вопросы философии, № 8, 2014.
27. Беседа Б.И.Пружинина с В.А.Лекторским.« О настоящем и будущем (размышления о философии)». Вопросы философии. № 1, 2007.
28. Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. М., 1909.
29. Церетели С.Б. Диалектическая логика. – Тб.:Мецнериеба, 1971.- С. 468
30. Вайцеккер К.Ф.Физика и философия//Вопросы философии. 1993., № 1. с. 125 – 129.
31. Ясперс К. Смысл и назначение истории.- М.: Политиздат. 1991.- 627 с.
32. Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. -М.: Наука, 1980.
33. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. - С. 413.
34. Швейцер А. Благоговение перед жизнью пер. с нем. – М.: Прогресс, 1992. – С.572.
35. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия/ пер. с нем. – М.: Наука, 1993. С.121.
36. Гегель Г. Сочинения в 14 томах. М. 1959. Т. 4.
37. Найдыш В.М. Философия мифологии. - М.: Гардарики, 2002.
38. Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. М., 1909.
39. Философский энциклопедический словарь. - М.: 1989.

40. Польский И.В. Радикальная критика цивилизации в философии раннего даосизма. – ВФ, № 4, с. 114 – 122.
41. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. 2010. № 8.
42. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983.
43. Меркулов И.П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т.2. М., 2001.
44. Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997.
45. Полани. Личностное знание (на пути к посткритической философии). Пер. с англ. М., 1985.
46. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
47. Schank R.C., Hunter L. The quest to understand thinking // Byte. 1985.
48. Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. М.: Канон+, 2013.
49. Жан Бодрийяр. Система вещей. М., Рудомино: 1995.
50. Гваттери Ф, Делез Ж. Что такое философия? - М.: 1998.
51. Беседа Б.И.Пружинина с В.А.Лекторским.« О настоящем и будущем (размышления о философии)». Вопросы философии. № 1, 2007.
52. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. //Новое литературное обозрение. № 3, 2010.
53. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки (пер. с фр.) – С.Пб: 1999.
54. Санжаревский И.И. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. - Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: 2012.
55. Смирнов П.И.. Понятие «общество» в современной социологии: проблема логически корректного определения, //Теоретический журнал «Credo new». 2010.
56. Gadamer H.G. Kleine Schriften. Tubingen, 1967. Bdl, S.113.
57. Гусев С.С., Тульчинский Г.А. Проблема понимания в философии. –М.: Политгиздат, 1985. -192 с.

58. Понимание и экспертиза //Вопросы философии, 1991, № 10. С. 48-50.
59. Гадамер Х.Г. Истина и метод /Основы философии герменевтики: пер. с нем. -М.Прогресс, 1981. -699с. /311/
60. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. -С.109.
- 61.Фрейд З. Будущее одной иллюзии // _Сумерки богов. -М.:Политиздат, 1989. -С.116-137.
62. Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. -С.315.
63. Лаланд А.. Этюды о философии науки /пер с фр. - С.-П.. 1897. С.188.

Ж.А.Кабаева

**Философское осмысление
отдельных аспектов науки**

Технический редактор *Н. Абдрахманова*
Компьютерная верстка *Е. Кикимбаева*

Подписано в печать 24.05.2016 г.
Печать офсетная. Формат 1/16, печ.усл.л. 7,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 51

Отпечатано в типографии «ИП Тантеева Г.Ш.»
г. Алматы. Микрорайон Аксай, 4. Дом 73/4.

Телефон 8 701 429 12 82

